Система

Автор:
Юлия Шамаль

Система

Юлия Федоровна Шамаль

Виноваты звезды

Будущее наступило, каждому человеку на планете отныне присваивается рейтинг. От количества баллов зависит качество жизни. Дочь одного из создателей Системы Лара Смирнова стремительно начала терять баллы. По собственной дури, не иначе, ибо чего ей, казалось бы, не хватало? Муж-умница, человеческая работа – редкость по новым временам, у людей работы почти нет. Ей бы взять себя в руки да исправиться, но нет же – Лара скатилась к самому дну, о котором она еще вчера не имела ни малейшего понятия. Зоны, забитые умирающими людьми, не нужными после Первой и Второй беспилотных революций. Дикие гетто для однобалльников, где ей предстоит научиться выживать. И приглашение присоединиться к штабу Сопротивления, к жалкой кучке сумасшедших фанатиков. Ведь нормальный человек никогда не решится бросить вызов самой Системе…

Юлия Шамаль

Система

Серия «Виноваты звезды»

Дизайн обложки: Юлия Межова

© Юлия Шамаль, текст, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Будущему или прошлому – времени, когда мысль свободна, люди отличаются друг от друга и живут не в одиночку, времени, где правда есть правда и былое не превращается в небыль. От эпохи одинаковых, эпохи одиноких, от эпохи Старшего Брата, от эпохи двоемыслия – привет!

Джордж Оруэлл. 1984

Я смотрела на электронное табло за спиной эмиссара абсолютной Свободы и понимала, что время уходит. Такие табло расставили во всех эмиссариатах, чтобы отлавливать нарушителей десятиминутного присутственного правила. В самом деле, очереди большие, если каждый начнет рассусоливать за счет свободы других… Мое время истекало: из десяти минут прошло уже пять, а мы до сих пор не сдвинулись с мертвой точки.

Я попыталась еще раз:

– Поймите, у меня не может быть такого низкого рейтинга! Это какая-то ошибка!..

Эмиссар душераздирающе зевнула, посмотрела сквозь меня и навалилась большой грудью на стол. Гладкая, полная, самодовольная, она все еще носила прическу, которая вышла из моды эдак в середине две тысячи тридцатых.

– Какие наши главные ценности? – задала эмиссар казенный вопрос.

Не отвечать на такие вопросы было нельзя.

– Свобода, доверие, открытость, – сказала я несколько более вяло, чем надо бы.

– Вот! – Эмиссар подняла указательный палец, на котором сияло крупное кольцо с нефротом – не путать с нефритом – новейшим достижением биобижутерии. – Вот именно! Свобода, Доверие и Открытость!

Я с тоской посмотрела на табло. Оставалось три минуты сорок секунд.

– Разве Свободой и Доверием объясняются ваши поступки? Вы опоздали на три дня с платежом по кредиту! И не предупредили банк!.. Вы не могли не понимать, что это автоматически понизит ваш рейтинг.

– Да, но это же первый раз за всю мою жизнь! У меня всегда была отличная кредитная исто…

– Это не все. – Эмиссар легким прикосновением разбудила стоящий перед ней монитор: вспыхнули и разбежались по экрану разноцветные цифры и графики, в правом верхнем углу всплыл мой профиль. В тревожной грязно-зеленой рамке. – Вот что еще повлияло – ваши запросы в Сети…

Три минуты десять секунд.

– Зачем вы все время ищете гадкие истории? Какие-то убийства, ограбления, маньяки, потом Калигула этот почему-то… Нормальный человек в три часа ночи не будет по двадцати разным источникам собирать информацию про Калигулу, он спать будет… Вот еще запрос: совокуплялась ли Екатерина Вторая с конем или это миф. Ну будь вы зоо, я бы еще поняла, но у вас же в статусе заявлен «гендер традиционный». Вы странно себя ведете.

Две минуты.

– Количество, а главное качество употребляемых вами слов – вот опять-таки, все же как на ладони, я ничего не придумываю – посмотрите сами!

Эмиссар слегка развернула монитор – так, чтобы мне тоже было видно.

– Пожалуйста, последний ментальный скрининг: в вашем ежедневном словаре только четырнадцать и три десятых процента слов лексически соответствуют принципам Свободы, Доверия и Открытости. Только четырнадцать! А семьдесят

восемь процентов вашего вокабуляра говорит о том, что вы тревожны. Семь целых семь десятых процента произносимых вами слов свидетельствуют об агрессии по отношению к общественному устройству, ваши СС-друзья, между прочим, это отмечали. И это при всем при том, что у вас есть человеческая работа! Вы что, ее не цените, я не пойму? Слово «Доверие» и производные от него в прошлом месяце вы четырнадцать раз написали с маленькой буквы! У вас же грамотность 99 %, вы зачем это делаете? И вам еще не нравится, что ваш рейтинг снизился до семи? Удивляюсь, что он у вас не три – с такими-то данными.

Одна минута. Я кусала губы и изо всех сил крепилась. Давать волю слезам в эмиссариате – последнее дело. Эта грымза еще один балл может срезать, с нее станется.

– Меня же уволят, – пробормотала я.

– Ну вот, опять, – вздохнула эмиссар. – Слово из прошлого. Свидетельствует о не-Доверии к Системе. Не уволят! А о-Сво-бо-дят!

Раздался электронный сигнал, говорящий о том, что до конца моей присутственной сессии осталось тридцать секунд.

Эмиссар протянула руку и прикрыла ладонью мои дрожащие пальцы.

– Поймите, – сказала она тем проникновенным тоном, каким умеют говорить только профессиональные эмиссары и только под конец очной сессии с посетителем, – у вас нет поводов для беспокойства. Система – абсолютно справедлива. В отличие от людей она не страдает тревожностью, беспокойством, не-Доверием. Она просто отражает вас. Как только вы приведете себя в порядок – ваш рейтинг повысится.

Большая слезинка предательски скользнула по моим ресницам и капнула на жирную ненавистную руку. Как раз рядом с нефротовым кольцом. Раздался звук гонга. Сессия была окончена.

– Все-таки ваш рейтинг не семь, – сказала эмиссар, брезгливо вытирая руку салфеткой. – То-то я удивлялась. Подтверждаю шесть, и то, как говорится, за красивые глаза. Освободите кресло посетителя.

Я не чувствовала в себе достаточно сил, чтобы встать и освободить кресло, и поэтому продолжала сидеть. Рядом вырос худой прыщавый пацан в серой форме и неторопливо загнусавил.

– Госпожа посетитель! Напоминаю о том, что вы живете в Обществе абсолютной Свободы. Согласно статье шестнадцатой главы третьей Всеобщей конституции ваша личная свобода не должна стеснять личную свободу других членов общества…

Я устало поднялась.

– Заткнись, придурок, – сказала я пацану и лишилась еще одного пункта рейтинга.

Глава 1

Пять

Двенадцать баллов – это был рейтинг мечты. Такой рейтинг позволял брать легкие и дешевые кредиты. Получать социальные пособия. Рожать детей. Иметь персональный автомобиль. Покупать и оформлять в собственность недвижимость. Выбирать себе работу из реестра вакансий, а не торчать годами на свободной бирже.

Двенадцатибалльник имел право бесплатно поступить в высшее учебное заведение. Получал доступ к магазинам органических товаров. Пил воду категории А и дышал А-воздухом, так как имел право жить и отдыхать в экологических зонах премиум-класса, соответствующих двенадцати баллам. Мастера биобижутерии выезжали на дом. Двенадцатибалльник пользовался лучшими достижениями цивилизации – то есть практически жил в раю.

Но главное, двенадцать баллов означали уважение и достойное место в обществе.

– Двенадцать – это Доверие. Запоминаем, дети, оба эти слова начинаются на Д, – так учили детей в первом классе Свободной школы.

Говорили, что сам Универсум – универсальное приложение, объединяющее социальные сети, платежную систему и портал госуслуг, – когда-то программировался именно под запросы двенадцатибалльников. Им была доступна престижная рамка профиля – оранжевая.

Оранжевый двенадцатибалльник был ярким и понятным символом того, что такое рейтинг. И что может дать человеку Система, если человек ей доверяет. Нет, не так, Доверяет с большой Д.

Главным в рейтинге была его абсолютная честность и непредвзятость. Впервые в истории людей наконец-то начали оценивать не по рождению, богатству или образованию. А по морально-нравственным качествам и социальным привычкам.

Система действовала просто: если человек вовремя платил кредиты, не имел за душой серьезных правонарушений (а мелкие штрафы гасил исправно), не вел предосудительных речей и не строчил в Сети ничего подозрительного, если его запросы в соцсетях не содержали ничего запрещенного и соответствовали заявленному сексуальному статусу, если в друзьях у человека были, в основном, приличные люди и отзывались о нем хорошо – то такому гражданину Система присваивала искомые десять-двенадцать баллов. Символ состоятельности и успеха.

«Если будешь хорошо учиться, станешь десяти-, а может, если Небо позволит, и двенадцатибалльником. А перед двенадцатибалльником открыты все двери, – так в детстве говорила мне мама. И грустно добавляла: – Как раньше было у отца…» При этом она кивала на храпящего на диване вечно пьяного батяню, который скатился до семерки и тренд имел хуже некуда. Я смотрела на отца с презрением и недоумевала, как можно было до такого дойти – взять да и растерять свой рейтинг!

Я всегда была уверена, что со мной такого в принципе не могло произойти: в отличие от отца я не пила, работала, соответствовала статусу и вообще. И вот поди ж ты.

* * *

«Как мама все это переживет?» Это было первое, о чем я подумала, когда на ватных ногах спустилась по ступенькам эмиссариата. Сейчас она заглянет в мой профиль, чтобы узнать, как дела, увидит пять баллов и все… Разразится катастрофа.

Знаете это чувство, когда происходящее кажется кошмарным сном?..

Не понимая, что теперь делать, я присела на скамеечку у входа рядом с хорошо одетой пожилой женщиной. Дама равнодушно смерила меня взглядом, привычно скользнула глазами по моим биочасам, заметила цвет профиля и подскочила как ужаленная. Встала, отошла в сторонку, кутаясь в натуральную шаль, – с севера дул холодный ветер. Ну и скребь с ней, с этой стервой. Я натянула рукав пальто пониже, чтобы прикрыть экран биочасов.

Не отморозить бы себе на этой скамейке пятую точку – в замечательном-то климате нашей зоны В. Которую мне, кстати, предстоит скоро покинуть, если я не верну прежние цифры… При этой мысли меня прошиб холодный пот. Я всю жизнь прожила в благополучном районе и понятия не имела, что происходит с людьми, которым приходится уезжать в нижние зоны.

В детстве, кстати, этот вопрос живо меня интересовал. Когда я училась во втором классе Свободной школы, я как-то раз спросила учительницу, что происходит с людьми, у которых рейтинг падает до нуля? Высокая чернявая и очень молодая Рита Фаустовна разволновалась и сказала, что таких людей не бывает. Именно поэтому, мол, школьная табличка номер один ставит нулевикам прочерк. Их не существует. Это, мол, гипотетическая вероятность. И вообще люди всегда только улучшают, а не ухудшают свой рейтинг. Такой ответ меня не устроил, и я повторила вопрос дома. Мама тоже сказала, что нулевиков не бывает. А отец возразил, улыбаясь:

– Еще как бывают…

– Фу, Федя, прекрати, – сказала мама испуганно.

Отец подмигнул мне:

– Не слушай женщину, Лара, она трусит сказать правду. Бывает такое, что человек скатывается до нуля.

– Это я трушу?!

– И что тогда с человеком происходит?!

Эти два вопроса мы задали хором. Мамин вопрос отец проигнорировал, а мне ответил задумчиво:

– Ну как тебе сказать… Скажем, его отключают от Системы.

Тут мама возмущенно прервала разговор, и у них началась обычная перепалка про «с ума сошел» и «не при ребенке».

– Уж я-то имею право это ей сказать!

– Зачем ей вообще это все знать? Ей это, тьфу-тьфу, не грозит!

– А с чего ты взяла, что не грозит?!

– Система не допустит!

– Ах, Система?!

Тут батя громко и грозно выругался по адресу Системы, всех ее создателей и их подлинных намерений. Мама зажала ему рот:

– Тихо, ты! Баллы и так хуже некуда.

И добавила горько:

– Мою жизнь ты сломал, не смей портить будущее моей дочери… У нее есть все шансы.

Это была правда, в школе я подавала большие надежды – по крайней мере так считали учителя и родители. В день девятилетия меня, как и всех достигающих этого возраста школьников, зарегистрировали в Системе. В моем случае это сделал не классный руководитель, а лично директор – да еще с небольшой поздравительной речью, потому что я была отличницей. На следующий день эмиссар торжественно надела на меня первые, пока еще простенькие биочасы. Это было важное событие для всей семьи – мама заплела мне красивую косу и заказала столик в органическом ресторане.

Этот вечер врезался в мою память: батя, как обычно, выпил лишнего и начал громко ерничать на тему, какое же это чудо – биочасы! Как здорово, что их изобрели. Какое же мы счастливое поколение – у нас есть рейтинги, биочасы, а главное – биобижутерия! Каждый желающий теперь может вставить себе в задницу умный, а главное – красивый сфинктер! «Что такое сфинктер?» – спросила я громко. Сидевшая за соседним столиком женщина оглянулась на нас и рассмеялась. После этого мама окончательно вышла из себя и пригрозила эмиссариатом, а батя вздохнул, иронически выпил:

– Ну, за Свободу, – и надолго замолчал.

Отец был диссидентом-одиночкой. Я ни разу не слышала, чтобы кто-либо кроме него когда-либо ругал Систему. Это было так же глупо, как поносить беспилотники, или телемедицину, или научный прогресс как таковой. Система была нашей средой, нашим воздухом, нашей защитой, высшим достижением и мягким климатом нашей цивилизации.

Интересно, что мой отец и его близкий друг дядя Леня были прародителями Системы.

В молодости они работали программистами первой категории, это их отдел писал программы первых ментальных скринингов, на которых сейчас строится работа всех эмиссариатов и всей Системной полиции. Отчетов о личности человека и его намерениях.

Толчком к созданию скринингов стали так называемые школьные расстрелы. Я не понимала, что это такое, а отец объяснял:

– Дети приходили в школу с оружием и расстреливали одноклассников. Убивали, да. Я видел собственными глазами: весь класс в крови, учительница дергается в конвульсиях на полу между партами…

В этом месте мама, как правило, просила избавить нас от подробностей, и отец продолжал:

– И самое удивительное, что эти подростки долго и откровенно готовились. За полгода начинали выкладывать в Сети фотографии преступлений, восхищаться ими. Писали в открытую: «Я всех ненавижу! Я буду убивать!» – и никто не реагировал.

– Почему?

Отец пожимал плечами.

– Не верили. Тогда считалось, мало ли, кто что пишет. А Леня первый сказал: надо заниматься преступлением не ПОСЛЕ того, как оно совершилось, а до!

Этот Леня одно время часто захаживал к нам в гости по вечерам. Среднего роста, скромный и, на первый взгляд, очень застенчивый человек. Узкие внимательные глаза. «Когито, эрго сум» – первая фраза на латыни, которой меня зачем-то учил дядя Леня: «Мыслю – следовательно, существую». Он развивал эту идею: «И, следовательно, действую. Мысль о преступлении – сама по себе уже преступление, правы были древние христиане».

Отец был не согласен, они часто спорили и даже ругались, и вся дяди-Ленина застенчивость при этом куда-то девалась. «Нельзя же судить и наказывать за мысли!» – кричал батя. «Это ты родителям убитых детей скажи, про мысли!.. – У дяди Лени был высокий голос, который, когда он волновался, срывался фистулой. – Мысли становятся реальностью, пойми ты!» «Я не буду в этом участвовать! Нужна грань!» – и, вспоминая про грань, папа, как правило, грохал кулаком по столу.

Так они ругались, наверное, с год, батя то и дело громогласно «уходил с проекта», но в итоге им удалось найти загадочную грань и алгоритмизировать ее. Написанная дядей Леней и моим отцом программа фьючерсных ментальных скринингов произвела фурор и мгновенно сделала их знаменитыми. Программа Фельдмана – Смирнова (фамилии дяди Лени и моего отца соответственно) определяла с вероятностью 99,9 %, перейдет ли потенциальный преступник от слов к делу.

Это была революция.

Дядю Леню назначили координатором Единой межгосударственной программы по контролю над агрессией, отец стал его первым замом. Многие годы ушли на то, чтобы отладить программу и встроить ее в Систему. Это благодаря отцу и его лучшему другу ни одно грубое слово больше никому не проходит даром. Отец лично добивался того, чтобы алгоритмы, анализирующие лексикон человека, не просто маркировали агрессивные слова, но и учились читать между строк – использовали психологические и психолингвистические аналитические платформы. Плюс – считывали через биочасы и кончики пальцев давление, температуру и прочие кожно-гальванические реакции в момент употребления человеком тех или иных слов. В итоге Система научилась узнавать намерения преступника раньше, чем он сам!

Это была гигантская работа. Отец и дядя Леня были награждены орденами «За особые заслуги перед Обществом абсолютной Свободы» первой степени.

Помню вечер, когда они пришли с орденами на груди, мама суетилась и накрывала на стол, а они сидели рядом и молчали. Труд всей их жизни был завершен, мечты сбылись, и им было нечего больше друг другу сказать. Идеальная система контроля была создана, отлажена и запущена в мировом масштабе.

Дядя Леня после этого исчез, я больше его никогда не видела. А отец запил.

В восемнадцать лет я закончила Свободную школу и сдала ЕРЭ (единый рейтинг-экзамен) на восемь целых девяносто восемь сотых балла. Система оценила меня очень неплохо – особенно если учесть, что мой ближайший родственник пил и вел себя неадекватно. Правильное поведение в Сети и регулярное участие в

Системных программах позволили мне поднять баллы до девяти, а потом и до десяти. Но на десятке я застряла. До престижных двенадцати мне вечно чего-то не хватало.

– Почему они могут, а я нет? Какое-то во мне «недо»… – понуро размышляла я, разглядывая в Универсуме жгуче красивые профили знакомых двенадцатибалльниц, успешно переехавших в зону А.

Мама считала, что во всем виноват отец.

Жить десятибалльницей вполне себе было можно, но, конечно, не на очень широкую ногу. Я имела право на желтый цвет профиля в Универсуме, на органические продукты, но в целом качество жизни мне полагалось гораздо скромнее, чем двенадцатибалльникам. Жить, например, я могла только в зоне В, не выше. А это значило, что приличные климат, вода и воздух, так же как безболезненная ВИП-косметология и биобижутерия премиум-класса тоже пока были недоступны. Я утешалась тем, что, например, у восьмибалльников не было и того, они носили, ели и пили сплошь дешевую синтетику, а жить могли только в непрестижных регионах – на запад дальше Уральского хребта вход им был заказан.

Я жила с родителями – так было экономнее и добавляло четверть балла в рамках Программы поддержки пожилых людей.

Однажды мама отвела меня на кухню и сказала, что нам нужно серьезно поговорить. Я догадывалась, о чем. Папино состояние в последние дни и огромные темные круги вокруг маминых глаз. Двух тем для серьезного разговора у нас быть не могло. Так и оказалось.

– Дочка, пора принимать решение, – мама теребила пластиковый ремешок биочасов, было видно, что этот разговор дается ей тяжело. – Ситуация сложилась так, что… В общем, мне нужно выбирать между тобой и им. И я выбрала.

Отец окончательно все испортил. Ладно бы он просто пил, болел и сквернословил, как раньше. Мамина подруга-врач со связями в эмиссариате уже много лет позволяла нашей семье успешно лавировать, не выходя за рамки зоны

В. Так оно продолжалось бы и дальше, если бы позавчера отец не начал методично и ежечасно ругать Систему. В самых отборных выражениях. Он говорил, что мы построили не общество свободы, а общество подавления. Что это фарисейство и лицемерие. Что все это нужно разрушить и вернуться к тому, с чего начали. Что зря он тогда Леньку слушал… При этом он мучительно кашлял, а вчера мама заметила на его носовом платке кровь.

Личный батин рейтинг, понятное дело, падал каждые сутки – перезагрузка профиля происходила в полночь. Мы разговаривали в 23.45. На этот момент рейтинг моего отца, оказывается, составлял уже три балла. Я ужаснулась. Плохо дело.

– Через пятнадцать минут мы можем увидеть все что угодно, – шептала мама, комкая скатерть. – Выход у нас только один…

Я понимала, о чем она говорит. Если рейтинг члена семьи резко падает – Система дает трое суток на исправление. Если член семьи не исправился – рейтинг всех остальных понижается до его уровня. Либо семья может отказаться от такого родственника, официально уведомив эмиссариат. Батя исправляться не собирался – о чем свидетельствовал доносившийся из его комнаты поток пьяной брани в адрес Системы. Которая, как известно, нас защищала, кормила и сохраняла в целости и здравии.

Мама снова заплакала насчет «этого придурка», который сломал ей всю жизнь. В общем-то, она была права. Если нас понизят до батиного трехбалльного уровня – зоны D – это означает переезд за две тысячи километров в промышленный район с отравленным воздухом. О любимом органическом кофе и йогурте из настоящего молока, который так любит моя худенькая, вечно мучающаяся гастритом мама, можно забыть навсегда. Как и о подругах, которые сейчас как ошпаренные выскакивали из маминых СС-друзей в Универсуме, видя, как грозно валится рейтинг ее мужа.

– Сучки, – оценила их мама, вытирая слезы. – Но главное-то, главное – ты!

Это тоже была правда. Если я попаду в зону D, я могу практически навсегда забыть о приличном замужестве и вообще о нормальном будущем.

В 23.58 мамин палец с безупречным маникюром нажал кнопку «отправить» под «Уведомлением о расторжении родственных связей» на имя эмиссара. В полночь батины биочасы показали два балла. Мы успели.

В зоне В отец больше находиться не мог. Утром прибыл беспилотник с сотрудниками эмиссариата. Мать старалась, чтобы я этого не видела, я и не хотела смотреть, но как-то само вышло: помятого, грязного и похмельного, моего отца во дворе запихивали в салон беспилотника. Собрались соседи. Я смотрела на него, испытывая законное отвращение, и вдруг в памяти всплыло, как он водил меня за руку в школу. Не знаю, почему я вспомнила. Он шел рядом со мной, статный, красивый, в идеально выглаженной белой рубашке, на него весело посматривали соседки, а я страшно гордилась новеньким орденом на его груди… В тот момент, когда я это вспомнила, отец поднял голову, и мы встретились глазами. Больше я его никогда не видела и понятия не имею, что с ним стало. Его должны были отвезти в зону Е, куда-то на юго-запад за пределы Московии, – согласно его двум баллам. Что там делали с людьми – я не знала. В голову не приходило, что нужно бы знать…

Как из-под земли рядом с мамой выросла тетка-эмиссар, чтобы зачитать обычную в этих случаях благодарность за «сохранение базовых ценностей общества абсолютной Свободы». Закончив зачитывать официальный текст, эмиссар от себя поблагодарила нас за гражданскую позицию и подтвердила прежние девять маминых и десять моих баллов. Мы могли выдохнуть.

…«Пилик-пилик!» – сигнал биочасов прервал мои воспоминания. Я вздрогнула, осознала, что по-прежнему сижу на скамейке под зданием эмиссариата, тупо уставившись в одну точку, и с трудом заставила себя посмотреть на экран биочасов. Небесная благодать, это пока не мама. Это уведомление о температуре тела – 37,3. Скребь Небесная, еще и простуда начинается…

Удивительно, что мать не звонит – наверное, просто еще не заглядывала в мой профиль. И, хвала Небу, пока не звонит Тим.

Я вспомнила про Тима, и мне стало бесконечно стыдно. В сотый раз подведу этого бесконечно терпеливого ко мне человека. Как мне теперь смотреть ему в глаза…

«Ты такая же, как я, только похуже немного», – с такой эсэмэски когда-то начался наш роман. Сначала я обиделась, но потом поняла, что это он так заигрывает. Одиннадцатибалльник пишет десятибалльнице из самой зоны А. Это же явный виртуальный рывок за косичку! А я-то уж думала, что наши отношения закончены…

Хотя то, что было у нас в Московии, отношениями в полноценном смысле этого слова, наверное, назвать было нельзя. Мы немножко гуляли по осеннему золотому парку, немножко ходили в кафе, один раз подержались за руку и ни разу не целовались. Потом он уехал в зону А, и я думала, что на этом все кончено, но, оказывается, на этом как раз все только началось. У Тима появилось, что мне предложить.

Наша свадьба была скромной, в духе моды: я, Тим, представитель эмиссариата и родители с обеих сторон. По иронии судьбы мы сидели в том же ресторане, где когда-то отмечали мои первые биочасы. Только моего отца теперь с нами не было… Мама была довольна – Тим был молчалив, терпелив и добродушен, часто улыбался и не спорил по пустякам. Но главное, мы ждали, что Система поднимет мне баллы до уровня супруга, мой тренд был положительным, и все, казалось бы, шло именно к этому.

Прямую трансляцию нашего брака в Универсуме было не видно из-под лавины виртуальных сердечек, подружки подружек писали Тиму дифирамбы и наперебой добавлялись ко мне в СС-друзья.

Однако все вышло не совсем так, как мы рассчитывали. Точнее, совсем не так. На третий день после свадьбы оказалось, что мой рейтинг остался прежним, а вот у Тима пропал один пункт. Он снова стал десятибалльником. Видимо, что-то в браке со мной насторожило Систему, несмотря на мой положительный тренд.

Мы написали апелляцию в эмиссариат, просили пересмотреть наши ментальные скрининги, но без толку, цифры остались те же.

Я уверена была, что все это сильно ударит по самолюбию Тима и по нашим отношениям. Почти все А-друзья удалились из его окружения, чтобы не портить себе статус. На работе его сняли с проекта и перевели на другой, попроще

(хвала Небу, что не тронули зарплату и должность). Но самое ужасное, что ему пришлось оставить свои только что отремонтированные апартаменты в зоне А, в чистейшем климате на берегу моря, и вернуться в зону В, в Московию, откуда он так успешно недавно вырвался. Я ходила, втянув голову в плечи, чувствовала себя страшно виноватой и боялась смотреть ему в глаза.

– Лара, посмотри на меня, – сказал он на десятый день после свадьбы, распаковав последний контейнер с вещами.

Я молчала и отворачивалась.

– Посмотри на меня, сядь рядом и дай мне руку.

Я повиновалась, чувствуя, что подбородок начинает предательски дрожать. Тим обнял меня за плечи и погладил по голове.

– Дурочка, – сказал он ласково, – ну что ты плачешь, это же все ерунда, мы это с тобой поправим. Мне очень жаль, что пока не получается перевезти тебя в зону А, но мы это обязательно сделаем. Переедем на берег океана, снимем дом… У нас родится ребенок, и он будет дышать натуральным воздухом, я тебе обещаю.

Он не винил меня ни на полкрипта, представляете? Я разрыдалась.

Я начала стараться – записалась на все возможные программы по улучшению трендов, на тренинги позитивного мышления, на семинары по преодолению негативной эмоциональности и так далее. Кредиты я старалась платить за два-три дня до срока. Строго контролировала речь и поведение. Питалась и выполняла йога-комплекс строго по календарю «Телемеда». Я делала все для того, чтобы поднять баллы, – по крайней мере, в первые годы нашего брака. Тим тоже старался.

«Переехать в зону А, купить дом и воспитать сына», – такую общую позитивную цель мы указывали во всех программах, направленных на повышение рейтинга.

Двадцать четыре часа в сутки я чувствовала горячую благодарность к Тиму. Он совершил ради меня благородный поступок и баллом заплатил за это.

Смогла ли бы я пожертвовать рейтингом ради любви к нему? Если честно, не знаю. Ни с кем ниже своего уровня я вообще старалась не общаться. Да там и общаться-то было, честно говоря, особо не с кем.

От шести до восьми баллов шла зона С. Работающие обитатели Сибири, Зауралья, Дальнего Востока и Восточного Китая, спившиеся интеллектуалы, плохо воспитанные и малообразованные сотрудники доживающей свой век рыбно-мореходной индустрии. Эмиссары зоны В называли их «недолюди». «Недо» – потому что многие из них все-таки еще работали, принося Обществу абсолютной Свободы хоть какую-то пользу.

Баллом ниже шли и вовсе «нелюди»: бесполезные члены общества, не производящие никакой добавочной стоимости, умеющие только потреблять.

От трех до пяти баллов имел так называемый броветариат (забавное слово, видимо, образовавшееся от устаревшей аббревиатуры БПВ – «безработные прошлого века»). Люди, которые не вписались в научно-технический прогресс. Костяк броветариата составляли водители, пилоты, машинисты электропоездов, операторы башенных кранов, разнорабочие и прочий люд, лишившийся работы после Первой беспилотной революции. Те, кто умел работать только руками. И бывшие мелкие банковские служащие, чьи обязанности гораздо лучше и быстрее выполняли программы. Они не имели права жить за пределами зоны D в Средней Азии. Неприятные термины «гетто» и «резервация», которыми одно время изобиловала пресса, Система перевела в разряд нежелательных после беспорядков, последовавших сразу после Первой беспилотной.

От одного до двух баллов составляли ЛВС – личности вне Свободы. Отбросы общества. Опустившиеся люди с отрицательными трендами. В детстве они меня тоже очень волновали (как будто заранее предчувствовала, Небесная скребь!), но учительница Рита Фаустовна объяснила, что воспитанным девочкам интересоваться такими вопросами неприлично. Меня же не беспокоит, например, куда деваются отбросы, которые я спускаю в канализацию. О них позаботятся специальные службы, это все, что мне нужно знать.

Ноль баллов существовал исключительно в виде страшных фиолетовых слухов и прочерка в школьной табличке номер один.

Интересно, что всего пятьдесят лет назад никакой Системы не было и в помине. Зон, биочасов и Универсума тоже. Люди пользовались Интернетом, тысячами приложений и – странная штука! – десятками пластиковых карточек. Одни карточки служили для начисления зарплаты, другие подходили для уплаты налогов и соцвзносов, третьи играли какие-то идентификационные роли. Были даже карточки для получения скидок в магазинах, причем каждый магазин выдавал свою отдельную карточку. Мне все это казалось нелепым, я хихикала и не верила, пока мать не залезла на антресоли, не достала поношенную косметичку и не вывалила мне на колени штук пятьдесят тех самых карточек.

«Все это было неудобно», – рассказывал отец и показывал мне маленький бумажный раритет под названием «паспорт» – прапрадедушку Единого идентификационного кода. Дипломы, медицинские страховки, права на недвижимость и автомобиль существовали по отдельности и тоже в бумажном виде, с ума сойти, как же предкам было неудобно!

«Всю эту информацию нужно было объединить, – продолжал отец. – Сначала в качестве эксперимента все персональные данные власти решили держать на так называемых личных чипах…» «На чем?» – перебивала я. «Ах, ну да, – спохватывался отец, – ты же не знаешь… Раньше мы не всю информацию хранили в Системе. Были флешки, диски, чипы, платы…» «Смартфоны забыл», – бурчала мать.

Я слушала родителей вполуха, но улавливала главное. Биочасы появились не сразу.

Сначала власти оцифровали и отменили все бумажные документы. Все счета и персональные данные человека было решено хранить в мобильных телефонах с уникальным номером. Но телефоны терялись, ломались, а хакеры нелегально подключались к ним и воровали информацию.

Тогда власти, наконец, догадались привязать весь массив персональных данных к Единому идентификационному коду и попробовали слить на новый внешний носитель. Отец показывал потрепанный артефакт со смешным названием «чип»: маленькая черная штучка размером не больше дюйма. Терялась она еще быстрее, чем телефон. Ее копию можно было хранить в Сети, но подавляющее большинство населения путалось в многочисленных логинах и кодах доступа, эмиссариаты были завалены жалобами и просьбами о восстановлении паролей и

забиты скандалящими на эту тему пенсионерами.

Начали думать над тем, как сделать доступ к персональным данным максимально простым для владельца и максимально сложным – для злоумышленника.

Происходило это все в две тысячи двадцатые, биотехнологии были уже неплохо развиты, а конкурс на биофак МГУ в Московии был прямо-таки неприличным.

Чип вшили под кожу. Самым удобным местом, конечно, была внутренняя сторона запястья правой руки. Провел запястьем по любому транскодеру – и готово. Одним и тем же движением ты можешь оплатить налоги или коммунальные услуги, пройти через турникет метро, купить продукты в магазине, включить зажигание персонального автомобиля… Больше не нужно искать в сумочке пропуск, когда приходишь на работу. Все по мановению руки и очень удобно. Больше никаких бумажек и карточек.

Первые миллионы добровольцев с энтузиазмом тестировали новое изобретение, но тут кто-то вспомнил, что в Откровении Иоанна Богослова, последней и самой мистической книге Библии – именно начертание на правой руке, без которого «нельзя покупать и продавать», названо признаком скорого Апокалипсиса. Эсхатологическая паника, с наслаждением раздуваемая средствами массовой информации, вспыхнула и понеслась как лесной пожар. Стало ясно, что в таком виде население Систему не примет.

Тут-то и подняла голову биобижутерия.

Оказалось, что носителем идентификационного кода необязательно должен быть вшитый под кожу чип с отчетливым эсхатологическим душком. Это могут быть биочасы. Или биокольцо. Или биосерьги. Да хоть запонка на пупок. (Часы, конечно, удобнее, но если это оскорбляет чувства верующих – нет проблем, биоби-мастера изготовят все, что хотите.) Милая и прелестная вещица, элемент моды и престижа, которая может быть частью тела, а может – просто украшением. Может коммутироваться с биофизикой человека (это, конечно, дороже и престижнее, потому что предоставляет дополнительные медицинские возможности), а может и нет (дешевле и проще). Это зависело исключительно от желания хозяина и толщины его кошелька. И полностью соответствовало духу времени абсолютной Свободы.

Теперь уже трудно было понять, кто кого породил: Система биобижутерию или биобижутерия – Систему. Очевидно было лишь, что одно без другого существовать уже не могло.

Сейчас мои биочасы показывали пять баллов. Это означало, что если я не исправлю ситуацию за три дня – прилетит беспилотник, чтобы отвезти меня в зону D. К отравленному воздуху и ядерным отходам.

…«Пилик», – я снова вздрогнула на своей скамейке, и это снова была не мама. «Температура вашего тела – 37,6». Раздражают меня такие уведомления. Захочу проверить температуру – сама это сделаю, нечего напоминать каждые пять минут. Давно собираюсь переставить в Универсуме режим «контроль здоровья» – с «по умолчанию» на «по требованию», но все руки не доходят. Но почему мама не звонит?

Я полезла в Универсум посмотреть мамину геолокацию. Она была в центре города и не в Сети. «Жива хоть?» – в панике подумала я и быстро залезла в ее медицинский профиль. Хвала Небу, пульс в данный момент сто десять ударов в минуту. Многовато, но у нее всегда так. Или волнуется. Что она делает в центре?

В папке личных сообщений от нее ничего не было. Зато висело четыре новых письма. Корпорация «Телемед» вежливо уведомляла меня об ухудшении моего самочувствия, рекомендовала покой и обильное питье. Спасибо, без вас я бы не догадалась.

Банк прислал строгое письмо о прекращении обслуживания и необходимости погасить кредит в течение трех дней. Они там с ума совсем посходили, я теперь крипты где возьму?

Третье письмо было из эмиссариата. Соболезнующим тоном мне давались рекомендации по улучшению рейтинга (контроль над мыслями, позитив, правильное СС-поведение и прочий суповой набор, как называл это отец). В конце говорилось, что если я не добьюсь ощутимого результата в течение трех дней, то должна буду переехать в зону D, к людям соответствующего социального статуса.

А четвертое письмо было отправлено с неизвестного мне идентификационного кода. Отправитель не добавлялся ко мне в друзья, поэтому ни лица, ни профиля, ни рейтинга его я так и не увидела. Просто ник – некий Фил. И этот Фил был краток: «Добро пожаловать в отстой». Что ж, это хотя бы было по существу.

В профиле у меня исчезли все иконки доступных банков и магазинов. Значок «Биоби» побледнел и не откликался на нажатие. И удивительным образом почти вдвое сократилось количество друзей.

Да, но где же мама?

Я включила программу распознавания лиц и уточнила мамину геолокацию. Ага, вот она где. Системный храм в центре. Медитировать, значит, пошла. Вот и прекрасно. Во-первых, это ее успокаивает. Во-вторых, это значит, что у меня есть еще немного времени, чтобы что-то придумать…

«Пилим-пилим!» – биочасы запиликали на тон громче. И это был, к сожалению, не «Телемед» с уведомлением о температуре тела. Это был Тим.

– Ну что? – зазвучал в бионаушнике знакомый голос.

Я тяжело вздохнула. Он же видит, что.

– Тима, миленький, – начала я оправдываться, – прости меня, я все исправлю, я постараюсь, честное слово!..

– Заяц, – сказал Тим тревожно. – Этот вопрос надо срочно решать. Тебе дали три дня. Давай решим, как их провести с максимальной пользой.

Он, безусловно, был прав, но во мне шевельнулось раздражение. А он думает, я эти три дня как собираюсь провести? Завалиться на танцпол в зону А? Выдавать раздражение было нельзя.

– Хорошо, – сказала я кротко. – Давай решим, как правильно поступить.

В сущности, все произошедшее было чередой дурацких случайностей, я надеялась, что Тим это понимает. Я действительно опоздала с платежом по кредиту, но сделала это не из-за злого умысла, а из-за элементарной невнимательности – работала над сценарием и просто проморгала тот момент, когда стрелка часов перевалила за 20.00. А банковский день длился именно до двадцати часов.

Конечно, надо было просто отправить деньги немедленно – в банке увидели бы платеж утром. Или сделать это на следующий день утром, а потом поучаствовать в какой-нибудь благотворительной программе, чтобы поправить тренд, – именно так я и собиралась поступить.

Но на следующий день все опять пошло не так. До пяти утра я писала сценарий (да, там был этот Калигула, именно поэтому у меня такие запросы в Сети, неужели эмиссару не понятно?). А в восемь утра позвонил Валентин:

– Это ты что мне прислала? – спросил начальник.

Вопрос не предвещал ничего хорошего.

– Сценарий, – мрачно ответила я.

– Нет, ты мне прислала не сценарий. Ты мне прислала проходной текст, который может написать любой ломаный алгоритм. А мне нужен от тебя человеческий сценарий, поняла? Напомнить, зачем я тебя держу и сколько ты мне стоишь? На одну твою зарплату я могу купить два лицензионных алгоритма! Два! И они тут же окупятся!

Я вздохнула:

– Что не так со сценарием?

– Все не так, – голос Валентина как будто торжествовал. – Абсолютно все не так! Нет главного! Че-ло-ве-чес-ко-го!

Он говорил почти час: громко, образно, явно любуясь собой и звуком своего голоса. Странная вещь: пока начальник говорит, всегда кажется, что он сообщает очень важные и правильные вещи по существу дела. А когда разговор заканчивается, с трудом можно выделить из вышесказанного одну или две расплывчатые мысли.

– Нечто человеческое, Лара! Был такой писатель Мо-эм!..

Насколько же плохо шеф кре-департамента формулирует мысли! И как он вообще в начальники попал? Тогда я только начинала осознавать горькую для всех трудоголиков истину: качество работы к построению карьеры не имеет вообще никакого отношения.

Уставшая и расстроенная, я села переписывать сценарий: Валентин дал сутки на исправление текста и пригрозил штрафом. Кредит не то чтобы совсем вылетел у меня из головы, но на этом фоне как-то отодвинулся на второй план.

А вечером я поссорилась с Тимом.

Тема была все та же – ребенок. Два десятибалльника ребенка завести не могли. Ну то есть могли, конечно, в Обществе-то абсолютной Свободы, – но это означало слишком большие налоги. Вот когда мы станем одиннадцатибалльниками и переедем в зону А – будет совсем другое дело: налога на первого ребенка в зоне А вообще нет, напротив, там мы смогли бы даже претендовать на небольшое пособие. Но время шло, а наши рейтинги не повышались.

Почему ничего не меняется, несмотря на все усилия? Этот вопрос периодически поднимался за семейным ужином, но сегодня он встал особенно остро.

Крупные ссоры всегда начинаются безобидно. Мы болтали о том, как организовать мой приближающийся день рождения – тридцать лет как-никак.

– Давай закажем авиакар и слетаем в зону А, – предложил Тим. – В Дубае я знаю отличный ресторан. Я там раньше часто ужинал. Дорого, конечно, для не местных, но что поделаешь…

Я ощутила острый прилив злости. Наверное, просто оттого, что не выспалась.

– Давай ты больше не будешь жертвовать ради меня собой, а потом выставлять мне за это счет.

Говорить так, конечно, не следовало. За десять лет совместной жизни Тим ни разу не упрекнул меня за то, что переехал из зоны А. Он удивленно посмотрел на меня сквозь очки.

– А я и не выставляю никакой счет. Просто тебе исполняется тридцать лет. Юбилей как-никак. Я устал, и ты тоже, предлагаю нормально отметить и отвлечься заодно. И потом, заяц, надо что-то решать с ребенком. Остался год. Если ты за год не улучшишь СС-поведение и не подрастешь – мы выпадем из квоты по детям… А ребенок заявлен в нашем позитивном плане. Если мы не выполним план, это сильно испортит тренды.

Про ребенка ему не стоило сейчас говорить.

– А почему, собственно, это я должна улучшать СС? Это что, из-за меня одной рейтинг не растет?!

Эти слова я произнесла склочным тоном, и дальше последовала безобразная сцена, во время которой я, честно говоря, хватила через край: разбила две тарелки, закричала, а потом и вовсе кинулась на Тима с кулаками…

Потом еще дня два мы выясняли отношения в Универсуме: я то блокировала Тима, то разблокировала, срочно требовала меня набрать и не отвечала на вызовы, плакала и обильно поливала слезами биочасы – вела себя неадекватно, что уж говорить, Система за такое здорово понижает тренды.

Только на третий день я сдала, наконец, Валентину сценарий и бурно помирилась с Тимом на любимом нашем диване в прихожей. Отдыхая после примирения, мы шутили и баловались, как дети. Тим весь был покрыт родинками, и я, схватив раритетный маркер – мамин подарок, – стала рисовать у него на груди и плечах, соединяя родинки в узоры созвездий. Он смеялся и отбивался, а потом вдруг спросил:

– Зайчик, а ты кредит оплатила?

Я перепугалась. Точно! Кредит, скребать его! Я бросила маркер и немедленно отправила деньги.

Это было последнее воскресенье месяца – день, когда Тиму нужно было показываться в локальном офисе – он быстро выпил кофе и ушел. А я решила нормально позавтракать – строго в соответствии с рекомендациями «Телемеда» – йогуртовое суфле, красная рыба на пару и свежевыжатый сок. Рыбы дома не было. Я зашла в приложение органической еды, отыскала привычные кнопки «продукты на дом» и «лосось органический». И вдруг увидела надпись: «Этот продукт на вашем уровне недоступен».

Я вошла в Универсум и не поверила своим глазам. Семь баллов. Зеленая рамка профиля. Не может быть.

…То же самое твердил мне сейчас в бионаушнике голос Тима:

– Заяц, это не может быть серьезной проблемой. Из-за одной просрочки такого не бывает. Ты раньше всегда вовремя платила кредиты. У тебя есть человеческая работа. Ну поссорились, покричали – с кем не бывает? Да, проучила тебя Система, надо быть сдержаннее. Теперь надо просто подобрать программу исправления ситуации. О!

– Что?

– Поговори-ка с Валентином, – предложил Тим. – У него есть связи в эмиссариате, я знаю. Может, рекомендацию даст или еще что-то…

Мы работали в одной корпорации, Тим знал Валентина и его возможности.

Я согласилась и набрала начальника. На звонок Валентин, конечно же, не ответил. Нужно было ехать в офис. Я нажала на кнопку вызова авто – как раз из-за угла неторопливо показывался симпатичный беленький и совершенно пустой беспилотник, обычно меня возили такие. Я уж было поднялась со скамейки, но авто, не замедлив скорость и не моргнув фарой, прошмыгнуло мимо. Я

уставилась на биочасы. А, ну конечно: «На вашем уровне этот вид транспорта недоступен». Погружаться в прелести общественной транспортной сети мне сейчас не хотелось. Тем более что офис «Х-Видения» находился относительно недалеко от районного эмиссариата.

Впервые за многие годы я пошла по городу пешком. Странное это было чувство. Пешеходы у нас по городу не ходят. Для пешеходов есть парки, прогулочные зоны. Я понимала, что выгляжу нелепо, и старалась идти быстро. Сверкающее здание было видно издалека.

Компания «Х-Видение» (полное наименование «Свободное Общественное Х-Видение» – произносить надо было именно «Икс-видение») была компанией-гигантом. Отец называл ее телевизионной компанией-монополистом, но он был безнадежно старомоден – так же, как сами эти слова: «монополия» и «телевидение».

«Х-Видение» производило самую разношерстную аудиовизуальную продукцию: девяносто процентов всего, что выводилось на внешние и внутренние аудиовизуальные панели в этой части света, было продукцией «Х-Видения».

Я трудилась сценаристом сектора драмы отдела реальных историй кре-департамента.

«Страшное, тяжелое, все, от чего слезы и мурашки по коже, это к вам, – объяснял нам на Свободных тактических сессиях Валентин, начальник кре-депа. – И вы мне тут не жалуйтесь на жизнь! А целуйте ноги гуманитарщикам за то, что у вас вообще есть работа».

Валентин говорил чистую правду. Получить работу, будучи человеком, было не так-то просто.

Первая беспилотная революция тридцать лет назад лишила работы миллионы водителей, пекарей и банковских клерков по всему миру. Представители творческой интеллигенции – писатели, сценаристы, журналисты – смотрели на это, горестно вздыхали, писали пронзительные статьи насчет глобальных цивилизационных изменений, а в перерывах за чашечкой биокапучино сокрушались о судьбах «простого человека». А вскоре Вторая беспилотная

революция добралась и до интеллигенции.

Оказалось, что программы пишут горестные статьи о судьбе человечества ничуть не хуже, чем пекут булочки и водят автомобили. Огромную часть творческих работ алгоритмы научились выполнять не хуже людей, и при этом совершенно бесплатно. Приложение «Ре-райт» сочиняло типовые тексты ровно так же, как писали их последние пару десятков лет так называемые «профессиональные копирайтеры». (Тесты Тьюринга были пройдены со свистом – невозможно было отличить текст, созданный алгоритмом, от текста, написанного человеком.) Да ладно тексты! С газетными статьями, сценариями телепрограмм, документальных фильмов и сериалов приложения справлялись на отлично. Газеты, издательские дома, теле- и кинокомпании – как транспортные концерны и банки за десять лет до этого – охотно отказались от живых работников и перешли на услуги приложений.

Безработица грозила стать глобальной, но тут очень вовремя наступило Общество абсолютной Свободы, провозгласившее главными ценностями Свободу, Доверие и Открытость. Эти прекрасные категории закрепили во Всеобщей Конституции законное право человека на Свободу от работы. Ну а дальше требовалось только одно – помочь человеку получить от законной Свободы максимум наслаждения. Ибо что еще делать со Свободой, современные философы – даже подгоняемые наступающими им на пятки алгоритмами, – придумать не могли.

Определенных достижений Единое координационное правительство все-таки добилось, чего бы там батя ни говорил. Во-первых, на Земле наконец-то сократилось население – а ведь этого не удавалось добиться ни одному правительству за всю историю человечества. Во-вторых, был достигнут баланс между экономикой и Системой: люди получали социальные пособия согласно баллам рейтинга, а биогастрономия позволяла держать миллиарды безработных в полуголодном, но относительно спокойном состоянии – безо всех этих традиционных ужасов начала века типа голода в Африке. В-третьих, все это было окрашено в безупречные морально-нравственные тона.

По всему миру цвели сотни гуманитарных концепций, программ и организаций по защите и поддержке людей. Людей от машин защищали так рьяно, что в противовес этим движениям пришлось создавать встречные течения, которые настаивали на наличии у приложений и алгоритмов личности – тоже нуждающейся в защите.

В Европейском секторе – гуманитарном центре Свободного мира – уже голосовали за проекты законов о защите искусственного интеллекта от людей. Это было прекрасно. Общество абсолютной Свободы не лгало и предоставляло свободу всем – даже алгоритмам.

В творческом мире людей тихая паника сменилась раздражением, разложением, декадансом и прочими сумерками богов. Из пишущих людей при работе сумели остаться от силы процентов десять. В основном, благодаря «Межправительственной гуманитарной программе поддержки людей» – по которой, кстати, трудоустроилась и я, причем именно наличие гуманитарной программы в профиле когда-то добавило один балл к моей девятибалльной истории успеха.

Правда, была одна проблема. Одна вещь, которую приложения делать не умели, и алгоритмизировать которую не удавалось. Программисты, элита земного шара, бились над проблемой уже не один десяток лет, но воз, как говорится, стоял и ныне там. Талант. Приложения не умели быть талантливыми.

Впрочем, поможет ли мне сейчас талант – я не имела ни малейшего понятия. На рынке труда люди плохо выдерживали конкуренцию…

Тяжелая стеклянная дверь медленно подалась мне навстречу. Я пересекла порог и в очередной раз поразилась тому, что в огромном сверкающем холле «Х-Видения» только один турникет. Неизбежно скапливается очередь. Хотя ходить на работу каждый день давно не принято – все работают по домам – все равно у турникета всегда люди. Счастливчики, которых выбрала гуманитарная программа поддержки. Приходят периодически. То вопрос редактору задать, то рейтинг обсудить, то просто почувствовать себя десятибалльником в обществе живых, себе подобных.

Глядя на эту цветную очередь, я подумала, что с турникетом это они придумали нарочно. Пудрить населению мозги – и так донельзя запудренные. Со стороны-то кажется, что людей работает много – ну раз очередь стоит. А реально в нашем отделе пять человек. А он чуть не самый крупный во всем кре-департаменте.

Я вздрогнула: вот за такие мысли, видимо, и ругала меня эмиссар сегодня утром. Как-то эти мысли, очевидно, пролезают из подсознания в тексты и сетевое поведение – правильно говорят, Система видит все. Я почти подошла к турникету, оставалось человек пять или шесть.

– Доступ разрешен.

– Доступ разрешен.

– Доступ разрешен.

Вот опять-таки, зачем они это придумали? Молча турникет пропустить человека не может? Зачем это сопровождать дурацким голосом? Ох, права эмиссар, права, – тревожные и агрессивные мысли в моей голове явно превалировали… Последний человек передо мной прошел, но я не могла заставить себя приложить биочасы к транскодеру.

– Девушка! – послышался сзади раздраженный голос. – Вы проходите или что?

Я решилась. Вместо милого пиликанья, с которым турникет обычно пропускал людей, раздался резкий неприятный сигнал.

– Доступ запрещен!

Сзади напирали, в очереди нарастал гул.

– Охрана! – раздался визгливый женский голос. – У нас тут пятибалльница пытается пролезть! Здесь все еще зона В, или я что-то путаю?

– Вы вообще куда смотрите?! – поддержал резкий мужской дискант. – У вас «Х-Видение» или что? Я жалобу напишу! Я ребенка на экскурсию привел, а у вас такое!..

– Как такие по городу вообще ходят, – подлил масла в огонь старческий тембр. – Сидели б там у себя.

Мои уши горели. Из-за светящегося пластикового нимба с названием компании показался охранник. Неторопливо подошел к очереди. Пустыми прозрачными глазами прошелся по лицам.

– Пожалуйста, – прошептала я, умоляюще сложив на груди руки, – позовите моего начальника…

Валентин спустился через полчаса. Свежий, благоухающий, веселый и прекрасно одетый. Спорт, безупречно ровный загар, двенадцать баллов, только положительные тренды и воздух класса А – это сразу было видно. Он должен был работать в зоне А, но согласился жить в В – и получал за это неплохую прибавку к зарплате.

– Лааааарочка! Ну что же это такое? – Валентин, дружелюбно улыбаясь, развел руки в стороны, и я с трудом подавила в себе желание разрыдаться и броситься ему на шею. – Пойдем, душенька, пойдем. А плакать неет, мы не буудем, ни в коем случае.

Он отвел меня в кафе и заказал антистрессовый коктейль. Секунд десять ушло у него на то, чтобы, не сходя с места, расплатиться за коктейль при помощи дико дорогих биочасов. Я следила за ним исподлобья.

Красив он был, гад, – высокий брюнет, длинные волосы, зеленые глаза – когда-то в самом начале он очень мне нравился. Да что уж там, первые недели работы в кре-депе я была в него страстно влюблена. Кстати, как и все без исключения сотрудники обоих полов и сорока восьми сексуальных статусов (собственный статус Валентин от подчиненных тщательно скрывал). Среда – день планерок – называлась у нас Валентинов день. Я каждый раз с трепетом ждала среды.

Но влюбленность – такое состояние, которое всегда ищет чего-то большего. Как следователь, пристрастный к своему объекту, ищет улик и доказательств вины или невиновности, так и я страстно следила за начальником, но в какой-то момент поняла, что искать там нечего. Он красив. Он положителен. Он двенадцатибалльник. И все. Под ровным загаром Валентина не скрывалось

ничего, кроме страстного желания как можно дольше сохранить двенадцатибалльное положение, а если удастся – пролезть в тринадцатибалльники и как-то подобраться к программам по продлению жизни. Ничего больше его не интересовало, и поэтому жить рядом с ним оказалось смертельно скучно. Сейчас, впрочем, от этого самодовольного индюка («Небо, сделай так, чтобы Система все-таки не умела читать мысли!») зависела моя судьба.

Дракей привез коктейль.

– Ну, душа моя, что случилось? – Валентин ласково и сочувственно улыбался, демонстрируя восхитительные достижения двенадцатибалльной стоматологии.

Я вздохнула. Он ведь прекрасно знает, что случилось. Отчет о катастрофическом падении моего рейтинга, конечно, был автоматически сформирован и уже упал ему на рабочую почту. И спустился он только через полчаса после скандала у турникета – потому что принимал решение на мой счет и согласовывал с вышестоящим начальством. Моя судьба была уже определена, и приговор вынесен и подписан. Мы оба это знали. И знали также, что даром он мне приговор не огласит. Сначала вымотает всю душу.

Я начала рассказывать про кредит и ссору. Валентин слушал невнимательно и перебил уже через минуту.

– Ларочка, я всегда тебе говорил: есть у тебя одна глобальная проблема. Вот это твое вечное «недо». Вот почему ты никогда не была ни двенадцати-, ни одиннадцатибалльником?

Валентин держал драматическую паузу, глядя в упор. Я молчала.

– Потому что у тебя низкая самооценка. Ты сама себя низко ценишь, а Система – это зеркало, твое отражение, поняла?

Я кивнула. Чего же тут непонятного.

– Система понизила тебя не за ссору и кредит. Хотя и за это тоже, конечно. Но главное: Система понизила тебя за то, что происходит у тебя в подсознании. А в

подсознании у тебя – бардак.

В моей душе слабо шевельнулась надежда. А вдруг он все-таки поможет?..

– Мое подсознание принадлежит только мне. Система не может туда заглянуть…

– Э, нет, голубушка, ошибаешься.

Валентин встал, откинул волосы со лба и гордо прошелся по кафе. Он любил поучать, и сейчас был явно в ударе.

– Твое подсознание Система знает очень хорошо. Так же, как подсознание каждого из нас. И, заметь, это единственный гарант стабильности общества, в котором мы живем. Куда делись все ужасы прошлого века? Все эти нацизмы и терроризмы? Нету их. А почему? Потому что преступные намерения человека становятся известны системе задолго ДО того, как он их привел в исполнение!

– Ну не все, – сказала я, лишь бы что сказать.

– Почти все, сама отлично знаешь! Пси-анализ произносимых и написанных тобою текстов Система производит? Еще как. На тысячах аналитических платформ. Температуру, давление, сердцебиение через биочасы считывает? Да. Сопоставляет первое и второе? Конечно. То есть Система знает, что ты на самом деле чувствуешь, когда говоришь слово «Свобода». Она знает о тебе все.

Я терпеть не могла такие разговоры. Если честно, мне не очень нравилось, что Система знает обо мне все. Системе я, наверное, не очень нравилась тоже.

– Кого ты пытаешься обмануть? – продолжал петь Валентин. – Самое совершенное достижение цивилизации за всю историю человечества?

– Да я не обма…

– Система – абсолютно справедлива, пойми. Она так устроена и просто не может быть иной. Баллы рейтинга распределяются идеально честно. Согласно всего лишь поведению человека. По-ве-де-ни-ю, слышишь? Система любит всех и доверяет всем без исключения. Веди себя согласно нормам и принципам

абсолютной Свободы, и все будет хорошо.

– Да я же веду…

– Тогда рейтинг почему такой? Взять вот для примера меня и тебя. Мои двенадцать баллов и твои… Сколько у тебя сейчас?

Валентин явно прекрасно знал, сколько у меня баллов.

– Пять.

Шеф делано вздохнул и покачал головой.

– Ну и что мне с тобой делать? Что? Вот скажи?

– Валь… Пожалуйста… Ты мог бы мне помочь?

– Конечно, душа моя. Конечно. Для этого я здесь. Знаешь, – он откинул волосы со лба, – ты мне всегда нравилась. Подожди, не благодари. И хотя ты пишешь не сильно лучше, чем алгоритмы, я всегда был против того, чтобы тебя сократить. Хотя мысли такие начальство высказывало, скрывать не буду. Но! Что-то в тебе есть. Что-то человеческое. В наше время мы, люди, должны ценить друг друга…

В этом духе он мог продолжать бесконечно.

– Валя, ты ведь не уволишь меня… мммм, прости, не оСвободишь?

– Я сделаю то, что пойдет тебе во благо. – Валентин накрыл своей ладонью мою (точь-в-точь как эмиссар, их всех учат этому, что ли?). – Ты не будешь работать. Я понял, что именно тебе вредит – твоя работа. Сектор драмы, который вынуждает тебя формировать определенный образ мыслей. Профдеформация, психика не выдерживает, я встречал такое раньше. Как только ты перестанешь работать – тебе сразу полегчает.

– Но как только ты меня оСвободишь, рейтинг еще упадет!

– Конечно! Он и не может не упасть! Зато потом, потом – все наладится! Вот и не надо, не надо мне тут слез и всяких глаз на мокром месте! Свобода от работы – одно из главных достижений нашего общества. Это благо! Другая прыгала бы до потолка от счастья.

– Но я же тогда не смогу завести ребенка…

– Пфф… Средневековье какое-то. Ларочка, знаешь, этот разговор начинает мне надоедать. Я тут бьюсь, трачу на тебя время, а тебе все мало, ты все хнычешь и недовольна. Вот еще одно прямое доказательство: рейтинг тебе понизили совершенно справедливо! С такими негативными мыслями, конечно, только так и будет. Все! Марш домой спать! Сон, физкультура, позитив – и не успеешь оглянуться, как переедешь ко мне в зону А.

Я добралась до дома и долго рыдала на руках у Тима.

Вечером биочасы написали мне 38,4 градуса по Цельсию, уведомили о растущем кровяном давлении и робко предложили дешевый противовирус, аспирин и валерьянку – согласно моему новому рейтингу ничего приличнее мне, видимо, уже не полагалось. Когда я нарыдалась досыта, меня начал бить кашель, и Тим решил, что идея с аспирином вовсе не плоха. В домашней аптечке совершенно ничего не было, мы сообщили об этом Универсуму, и уже через семь минут на пороге нашей квартиры сидел аптечный дрон, под брюхом которого помещалась экстренная медицинская заправка. Мы прикрепили капсулу заправки к входному разъему биочасов. Микроскопические множественные шипы под браслетом ненадолго впились мне в кожу, чтобы ввести лекарство. Кашель вскоре утих, температура спала, я успокоилась и уснула.

В полночь, когда обновился статус, мои биочасы показали четыре балла рейтинга. Тим оставался десятибалльником. У меня было еще двое суток.

Глава 2

Четыре

Утро началось с рыдающей мамы. Сдержать ее было так же невозможно, как ураган или ливень. Она ворвалась в апартаменты и принялась осыпать меня упреками, жалобами и слезами. Вела себя так, будто я вот-вот умру. Очень некстати у меня снова поднялась температура.

– Ты еще и болеешь! Вот как же так можно!

Мы начали обсуждать, что теперь делать. То есть обсуждали Тим с мамой, причем на повышенных тонах, а мне не давали вставить и слова. Тим предлагал срочно подключить меня к самой дорогой программе по улучшению рейтинга, на которую только хватит денег. А мама считала, что времени слишком мало, и требовала экстраординарных мер: например, прорваться на прием к Координатору зоны В и «все ему объяснить». Тим рассердился и сказал, что он предлагает реальные вещи, а мамины идеи оторваны от жизни. А мама ответила, что ему, Тиму, лишь бы ничего не делать и ничем себя любимого не тревожить. Они поссорились, и Тим ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь и пожелав Маргарите Степановне успешно самой решить судьбу дочери, «раз она такая умная».

Как только он перешагнул порог, мама подсела поближе и заговорила горячим шепотом:

– Он откажется от тебя! Откажется, вот увидишь.

– Мама, ты зачем это говоришь?

– Вот увидишь, так и будет!

Мне категорически не нравился этот разговор, но я сдерживалась – помнила, что Система видит и слышит меня. И, конечно, в эти дни кризиса она наблюдает за мной внимательно.

– Мамочка, не надо так говорить, все будет хорошо.

– Зачем ему твои проблемы? У него прекрасная работа, статус. Он еще молод.

– Мама, не надо.

– Он может найти себе другую женщину и использовать квоту на ребенка!

– И что!!! Теперь!!! Мне!!! Делать?! – заорала я неожиданно для самой себя. – Что я могу поделать в этой ситуации??? Когда ты предавала отца, он мог как-то этому помешать???

Мама расплакалась, закрыв лицо руками, а я очень жалела, что сорвалась.

* * *

Мама была женщиной несчастной. В личной жизни ей никогда не везло. Наверное, поэтому она всегда подозревала Тима в чем-то нехорошем. Это было взаимно, Тим тещу тоже не любил. Но, в отличие от мамы, он своей неприязни никогда открыто не показывал, – что серьезно добавляло ему очков в моих глазах. А вот мама временами действительно бывала невыносима. Коронной ее фразой было выражение: «Мужчина – всегда враг!» Мне она твердила: «Запомни! Никому из них верить нельзя».

Мужчин в маминой жизни было двое, и они, надо признать, сделали все от них зависящее, чтобы оставить в ее сердце незаживающие гноящиеся раны.

Первым постарался отец.

Они тогда были студентами. Учились на соседних кафедрах: мама на нейролингвиста, отец – на программиста. Батя был звездой своей кафедры, правда, с приставкой «анти». Знания давались ему легко, но интересовался он далеко не всеми предметами, а усилия прилагал только к тому, что ему действительно нравилось. Поэтому средний балл отца всегда оставлял желать лучшего. К тому же он был цифровым хулиганом.

Факультету принадлежал примитивный ИМ – искусственный мозг, именовавшийся в простонародье Имусиком. Он использовался в учебных целях. Студенты, в зависимости от специальности, писали для мозга программы или обучали его, генерировали эмоции, разрабатывали искусственную интуицию или просто копались в кишочках нейронной сети. А батя хулиганил. Он повадился ходить к мозгу по ночам, и каждый раз наутро Имусик выдавал что-нибудь

эдакое.

Однажды за ночь он так здорово научился ругаться матом, что пришедшие с утра к мозгу нейролингвисты, люди в общем-то опытные, признались, что таких выражений не смогли бы составить даже они. Потом отец переобучил мозг – заставил его думать, что профессор – это стул, а стул – это профессор. Демонстрационная лекция о принципах распознавания объектов началась под гомерический хохот студентов и в итоге была сорвана. А потом Имусик взломал Универсум-профиль декана и от его имени разослал всем сотрудницам института письма с непристойными предложениями. Это было последней каплей. Как мой отец ни хорохорился, как ни пытался доказать, что занимался с мозгом исключительно в научных целях, а Имусик саморазвился до такой степени, что начал проявлять самостоятельность, граничащую с непослушанием, что вообще-то является достижением, – даром ему это не прошло. Отца на год отстранили от учебы, сильно понизили рейтинг, и восстановили потом с огромным трудом и огромным штрафом. Понятно, что на факультете о моем будущем отце слагались легенды.

Мама тогда гордо носила роговые очки с толстыми стеклами и негласный статус главной надежды отечественной нейролингвистики. Она, как и все, много слышала о подвигах Феди Смирнова, но столкнулась с ним только после его восстановления на кафедре. Произошло это, что интересно, при непосредственном участии все того же бедолаги Имусика, которого мой отец заставил имитировать влюбленность.

Мама ходила к мозгу раз в неделю, по записи, ее задачей было расширение эмоционального вокабуляра искусственного интеллекта. Однажды она пропустила встречу, и через неделю Имусик начал рассказывать ей, что скучал. Во время последующих встреч он широко развил эту тему: говорил, что вспоминает ее слова. Голос. Взгляд. Интонации. Волосы. Коленки… На коленках-то они с отцом и прокололись. Мама, которая уже записалась к декану с сенсационным докладом о новых способах развить эмоциональность искусственного мозга, – заподозрила неладное, приперла Имусика к виртуальной стенке и выбила из него признательные показания. Чем вообще-то спасла отца – во второй раз его бы уже не простили.

Круглая отличница и хулиган-троечник, овеянный лихой славой, – эти двое были созданы друг для друга. Мама была милой, строгой и во всех смыслах правильной девушкой. Этой-то «правильности» отцу как раз и не хватало.

Мамина родня была категорически против их брака. Бабушка ругалась не хуже Имусика, поскольку совершенно не верила в батины перспективы, и жестко поставила дочь перед выбором: или родная семья, или «этот придурок». Мама выбрала «придурка» – возможно, просто из духа противоречия. Она разорвала все отношения с родителями, родила меня и первые десять лет думала, что поступила правильно. Отец бросил Имусика и прочие шалости, взялся за ум, закончил универ с отличием и уверенно пошел вверх по карьерной лестнице. Штаб главных программистов Системы, двенадцать баллов, зона А, орден, – все шло просто великолепно.

Десять лет мама была счастлива. А потом началось…

Первое время мама была уверена, что отцовская хандра – явление временное. «Кризис среднего возраста, – говорила она, – одно большое дело закончил, найдет себе новое и снова увлечется». Но время шло, и становилось ясно, что никакое новое дело отца не интересует, а старое он проклял раз и навсегда. На пике карьеры отец решительно бросил работу, начал пить и терять баллы. Сначала мама возила его по курортам и психологам, выпаивала успокоительным, жалела. Часами разговаривала с ним. Утешала. Убеждала, что раз нет больше интереса к старой профессии, значит надо найти новую. Уговаривала красиво уйти на покой. Заняться хозяйством. Собой. Ребенком, наконец. Саморазвитием. Отец ничего не хотел. Баллы падали.

Потом мама плакала и просила пожалеть хотя бы нас. Это действовало еще хуже, чем утешения, отец впадал в болезненное раздражение и запирался в комнате. Баллы падали.

В конце концов они вообще перестали разговаривать. Стало ясно, что ни блистательный программист Федор Смирнов, ни цифровой хулиган Федька уже не вернутся. Отец стал другим человеком. Полностью утратившим интерес к жизни.

Необходимость держаться в зоне А, зарабатывать крипты, вести хозяйство, выводить в люди меня – все это тяжким грузом легло на мамины отнюдь не самые сильные плечи. Мама в отчаянии обратилась за помощью даже к бабушке – но ничего кроме: «А я тебе говорила!» – естественно, не получила.

Рейтинг отца упал до семи, мамин до девяти. Размахивая мужниным орденом первой степени, мама еле-еле выбила разрешение переехать в зону B, а не в C, как того вообще-то теперь заслуживал отец. Она преподавала в трех институтах, брала работу на дом и дополнительную нагрузку на выходные. Папа лежал на диване и пил. Мама рвала жилы, блекла, худела и часто болела. Корпорация «Телемедицина» официально предупреждала ее о повышающихся рисках онкологии и инфаркта, специалисты «Телемеда» настоятельно рекомендовали изменить образ жизни, в разы сократить нагрузку на организм, перестать нервничать. Но в мамином положении они с тем же успехом могли давать ей рекомендации не дышать. Долго она бы так не продержалась. И тут произошло невероятное.

Мама влюбилась.

Тут надо пояснить, что само слово «влюбилась» по отношению к моей матери в принципе звучит нелепо. Она всегда была классической ученой дамой самых строгих правил. В ее личном рейтинге ценностей на первом месте стояла я, единственная дочь, на втором – муж, на третьем – наука. Наряжаться и краситься она не любила, суетного желания нравиться была лишена. Вдобавок нас тогда в любой момент могли выселить из зоны B, мы держались на одном честном слове, ведь папа и не думал улучшать поведение. Мама была в отчаянии, не владела собой, часто кричала и плакала, срывалась на работе, и ее собственные тренды тоже постоянно падали. Еще немного, и ее девять баллов превратились бы в восемь, а это уже точно означало переезд в зону C.

Именно тогда и появился этот Макс.

Совершенно непонятно было, откуда он взялся. Он спустился к нам с каких-то совсем верхних этажей Системы, тринадцати- или четырнадцатибалльник, ученый – я помню, как он приходил к нам домой. Длинный, сухой, большие уши, совершенно некрасивый. Он очень заинтересовался мамой как профессионалом, – заказал ей какое-то научное исследование (она как раз начала новую крупную работу о типологиях нейросетей), а потом пригласил ее выступить на большой научной конференции в зоне A.

Мама сначала краснела и отнекивалась, но потом все-таки выступила и имела бешеный успех. Количество ее друзей в Универсуме выросло в разы, тренды

поползли вверх. Она начала выступать и дальше и даже составила себе некоторое имя в научном сообществе.

Макс Вебер – вспомнила я, как его зовут! – маму очень хвалил. Он говорил, что она особенная. Что она умница и звезда. Что она далеко пойдет. Что на верхних этажах Системы такие люди, как она, очень нужны.

Маме тогда было тридцать восемь, и таких слов ей еще никто и никогда не говорил. Слова подкреплялись делом: Вебер пропихивал ее везде, куда только можно, она стала больше зарабатывать.

Мама приосанилась. Впервые в жизни она заказала себе на дом гардеробщика из модного магазина и красиво оделась. У нее появились новые уверенные манеры, она начала вести себя по-королевски спокойно – и очень нравилась мне такой. Мама даже разобралась, наконец, с застарелой близорукостью (с миопией в минус одиннадцать за толстыми стеклами очков жить было непросто, и «Телемедицина» то и дело одолевала маму предложениями сделать мгновенную операцию глаз, но она боялась). Однако то, что многие годы не удавалось профессиональным сэйлерам «Телемеда», за пять минут удалось великолепному Максу. На день рождения Вебер подарил моей матери новейшие биохрусталики для глаз, минутная операция – и вот, долой очки! Открытые всему миру карие мамины глаза снова засверкали надеждой.

Венцом всему стало повышение маминого рейтинга на один балл. Десятка! О смене зоны речь уже не шла. Я смогла подать документы в хороший вуз. Не появись в маминой жизни таинственный «доктор Вебер», всего этого не произошло бы.

Мама поверила в него.

Они были очень дружны, часто куда-то вместе ходили и могли весело болтать часами. У нас дома Макс был всего раз или два, потому что отец терпеть его не мог, и общая беседа у них не клеилась. «Этот твой друг» – так пренебрежительно называл Вебера отец, обращаясь к матери, а та возмущенно говорила, что не понимает этих интонаций.

Мне было восемнадцать, я видела, что отношения мамы и Вебера – это все-таки чуть больше, чем просто дружба, – но маму не осуждала. Конечно, я любила отца и сочувствовала ему, но считала все-таки, что он сам виноват. А к этому странному Максу я испытывала только благодарность: он сделал мою маму счастливой. Она перестала болеть, больше не срывалась на нас с отцом по пустякам, часто смеялась, не пилила меня за учебу, а лишь расспрашивала и давала советы, снова рассказывала анекдоты – в общем, вела себя так же, как когда-то давно, в зоне А, когда вся наша семья еще была счастлива…

Ну и, кроме того, мама наконец-то реализовалась профессионально. Теперь она по праву считалась популярным ученым, прекрасным и модным специалистом, гонорары, тренды и количество СС-друзей в Универсуме у нее все время росли. Очевидно было, что недалек тот день, когда к маминым десяти баллам добавится еще один, а может и еще один, и еще… А это означает триумфальное возвращение в зону А и – надежду на долгую жизнь. В том числе и для меня. Непонятно было, правда, что дальше делать с отцом…

Однажды мама, очень смущенная, притащила домой огромную охапку красных роз и бочком от отца, с самым вороватым видом, поставила их в вазу на пол на кухне. Она думала, что я из ванной не вижу, но мне-то отлично было видно в зеркало, как она опускается на колени перед букетом, нюхает цветы, пересчитывает их и целует бутоны.

Я поняла, что дело зашло слишком далеко. Цветы – такие и в таком количестве – ей мог подарить только один человек. Макс вскоре позвонил, и мама упорхнула поговорить с ним на балкон – так, чтобы даже я не слышала разговора. Они говорили почти час. Мама вышла с балкона вся в красных пятнах, глаза на мокром месте и бесконечно счастливая. М-да…

Она действительно тогда была очень счастлива. Зная мою маму, я была уверена абсолютно, что никакого физического романа у них с Максом не было и быть не могло. Мама была воспитана бабушкой в самых старых, допотопных и вредных для здоровья традициях. Она была замужем. И значит максимум, что она могла себе позволить, – это подержать за руку странного человека, которого безумно любила… Истерзав себя при этом самыми самоедскими сомнениями. «Ну и хорошо, – размышляла я на лекциях, рассеянно глядя поверх нудных конспектов

по Системообразованию, – у мамы появился друг, который вернул ее к жизни. Она довольна и спокойна, событий не форсирует, пусть так все и остается как можно дольше».

К сожалению, как учили нас на том же курсе по Системообразованию, устойчивость всей системы находится в прямой математической зависимости от устойчивости ее центра. Центром маминой жизни был Вебер.

А Вебер однажды исчез.

Я не сразу поняла, что случилось. Я видела только, что мама грустна и тревожна. Часто заходит в Универсум. Ждет чего-то. Спустя неделю я спросила, что происходит. Мы были дружны, и мама, немного поколебавшись, рассказала: Макс не звонит и не пишет уже две недели.

– А ты? – спросила я.

– Ну я написала пару раз… Он ответил, что все хорошо, и снова пропал.

– Занят, наверное, – сказала я наобум.

Это было плохое предположение. Если человек настолько занят, чтобы не найти времени написать простое «как дела?», это может значить только одно: мама неправильно его поняла. Это были чисто рабочие отношения с его стороны. Рабочие цветы? Рабочие комплименты? Рабочие встречи с болтовней часами?

– Дура я, – мама заплакала.

Теперь она часами сидела в ожидании сообщения от него, каждые пять минут проверяла его профиль в Универсуме и испытывала страшные страдания от того, что вот, только что он в очередной раз заходил в свой профиль, но снова ничего не написал ей! Мне от души было жалко маму, и я уговорила ее позвонить Веберу. Она долго отказывалась, но в конце концов дрожащими руками набрала его номер.

Он явно обрадовался звонку, охотно согласился с ней встретиться. Да, прозвучала фраза «занят был». Что ж, может и так. До встречи оставалось два дня, и эти два дня мама снова была счастлива.

Она готовилась к разговору с Вебером.

– Ты еще тезисы напиши, как для конференции, – подтрунивала я над ней.

– Нет, – кипятилась мама, – без подробностей, конечно, но я все ему скажу! Если у нас чисто рабочие отношения, пусть катится к чертовой матери! Я удалю его из своего Универсума и прекрасно смогу жить без него!

Мы обе знали, что это пустая бравада. Жить без него она не могла.

На встречу с Максом я собирала маму, как в бой.

– Знаешь что, – вдруг сказала я ей под влиянием какого-то предчувствия, – не говори ему все, что думаешь!

Но, конечно, мама все ему сказала.

Она пришла под утро заплаканная и совершенно разбитая. Рассказала, что на вопрос, почему он исчез, Вебер сначала отвечал многословно, туманно и расплывчато. Но мама приперла его к стенке и выяснила, что хотела.

Увы, она не занимала в жизни Вебера центральное место. Он признавал, что она мила, умна, красива, талантлива, он ее безмерно уважает… и только. Цветы были подарены в честь отличного выступления на эмиссарском форуме. Да, все было здорово, и они неплохо вместе поработали. Да, он с удовольствием когда-нибудь поработает с ней еще. У них был неплохой совместный период, а сейчас он занят другими делами.

– Я ему просто надоела, – холодно и спокойно сказала мама. – Так мне и надо.

Это прозвучало как приговор.

На часах было около пяти утра, в это время отца, как правило, начинало тошнить, так случилось и сейчас, и мама побежала убирать за ним. В рассеянном утреннем свете она вдруг вся как-то сгорбилась и резко постарела. На недавно гордой, а теперь низко опущенной голове отчетливо проступили седые волосы. Мне от всей души было ее жалко.

Выходя из кухни с тазиком в руке, мама вдруг обернулась и сказала мне строго (даже не сказала, а приказала):

– Не позволяй никому так с собой поступать, слышишь? Будь счастлива! Поклянись мне немедленно, что будешь счастлива! Немедленно клянись! Немедленно!!!

Она опустилась на пол, выронила таз и горько зарыдала. Я бросилась к ней, села рядом в мыльную лужу, обнимала и гладила ее волосы и клялась всеми известными мне богами и богинями, что буду счастлива вопреки всему. Буду.

С тех пор много воды утекло. Все давно улеглось. Счастливой, довольной и знаменитой мама никогда больше не была. Выступления прекратились, рейтинг снова понизился, звездой быть она перестала. Вебер, вдохнувший в нее жизнь, пробудивший в ней какую-то мощную энергию подземного источника, сам же все и задушил.

Болезни, о которых предупреждала «Телемедицина», начались: первая стадия онкологии и слабое сердце. Один балл рейтинга мама потеряла, теперь девять баллов позволяли ей худо-бедно держаться за относительно приличную жизнь. Она стала всегда одинаковой: неизменно грустной, рано постаревшей, больной. Ни следа не осталось в ней от той смелой львицы, блистательной царицы научного мира, какой она была целый год, проведенный рядом с Максом Вебером.

Я от всей души ненавидела этого человека.

Казалось, что хуже Вебера с мамой уже ничего не могло случиться, но нет. Теперь случилась я.

* * *

– Значит так, – сказала мама, вытирая слезы и собирая в пучок растрепанные волосы. – Я тут выяснила. Есть нормальные легальные способы поднять тебе рейтинг за два дня.

Ничем, кроме советов, она помочь мне действительно не могла. После моего замужества наши с ней рейтинги больше не влияли друг на друга – ну если не считать того, что она состояла в моих СС-друзьях. Не удаляться – вот единственное, чем она могла мне помочь.

– Вчера вечером, сразу после медитации в Храме, я поехала в Юрпром! – голос мамы торжествовал. Стало ясно, почему она ворвалась к нам только сегодня, а не вчера.

– О Небо, мама, там же такие очереди!

В незапамятные времена компания «Юридическое программирование» создавалась для того, чтобы принимать жалобы на ошибки Системы от населения. Впрочем, скоро стало ясно, что Система никогда не ошибается. А вот люди, зарегистрированные в ней, – делают это часто. Поэтому по сути специалисты Юрпрома рассматривали жалобы людей на себя, родственников или соседей.

Специалисты Юрпрома принимали запрос, регистрировали его под уникальным номером и брали в работу. Иногда – крайне редко – что-то реально менялось. Мама верила в волшебную силу Юрпрома: кто-то ей рассказывал, как по запросу в Юрпром исправил тренд с отрицательного на положительный.

– Мам, зачем ты туда ездила? Через биочасы запрос не могла отправить?

– Так времени же нет! Я решила попасть на очную консультацию.

– О Небо…

– Да, в общей сложности я простояла там почти шесть часов. И знаешь, что мне там сказали…

Я слабо верю в мамины способности решать проблемы, но пришлось вникать. Специалист Юрпрома, у которого она была на консультации, внимательно выслушал сбивчивый рассказ про мой падающий рейтинг. Кредит, ссора с мужем и все такое. Очевидно было, что одного этого недостаточно, чтобы рейтинг десяточницы упал в два раза. Что-то еще во мне здорово настораживало Систему. Странные запросы, связанные со сценарной работой, – решил специалист, – ни при чем. («Система же знает, где она работает».) Значит, дело было в другом сегменте моего социально-сетевого поведения.

Маму отправили в СС-отдел. Там она сидела в очереди еще три с половиной часа и, напав наконец на свободного специалиста, услышала, что дело, скорее всего, в так называемом «фильтре правды».

Оказывается, есть в Системе такая штука, которая отслеживает, говоришь ли ты правду. Технически это просто: ты что-то рассказываешь, любое происшествие или просто занятный факт, – а биочасы в это время включают режим «детектор лжи». И если выясняется, что ты часто лжешь без причины (приукрашиваешь, искажаешь факты более чем в пятидесяти процентах случаев), Системе это очень не нравится.

«Бывает такое, – объяснял маме СС-специалист, – что стремление приукрашивать жизнь, которое часто встречается у людей творческих профессий, Система воспринимает как прямую ложь. А частая ложь отрицательно влияет на рейтинг…»

Мама получила рекомендации, что мне делать, чтобы почистить «фильтр правды». Много разговаривать, стараясь быть максимально честной, правдивой и открытой. Вообще не употреблять образных выражений, а также слов в переносном значении. И качественно успокоиться – это очень важно, ведь Система следит за физиологией.

Я пообещала маме неустанно чистить «фильтр правды», подспудно чувствуя, что в моем случае это мертвому припарки, но тут щелкнул замок – домой вернулся Тим.

– Маргарита Степановна и Лара, – сказал он с порога подчеркнуто спокойно (видно было, что он готовился произнести перед нами маленькую речь). – Я тут посоветовался… Чтобы поднять рейтинг за два дня, надо срочно, как можно быстрее, решать вопрос с банком. Вся система рейтинга изначально создавалась именно для отслеживания кредитных историй. Пока банк не успокоится насчет Лары – ничего не поможет. Я отвезу ее.

Мысль была настолько очевидной, что даже маме пришлось согласиться. Мы с Тимом поехали в банк – причем ему пришлось вместе со мной воспользоваться общественным транспортом. Мы сели в обшарпанный вагон монорельса, Тим оглядел лица пассажиров и попытался меня ободрить:

– Ничего, Ларчик, деньги по-прежнему правят миром, мы попробуем договориться.

Тим употребил устаревшее слово. Никаких денег у нас, конечно, давно не было. Их сменили крипты. О бумажных банкнотах, собственно деньгах, мы знали только из институтских лекций по Криптоведению.

В XX веке и даже в начале XXI деньги еще были бумажными (до появления экопластика и перехода на цифровую экономику предки вовсю пользовались бумагой – и как это они вообще ухитрились не спилить все деревья на планете?). Сейчас в это трудно поверить, но бумаги были кипы. Везде, повсюду, пачками – документы, бумажные книги, диссертации в несколько сотен страниц и даже средства массовой информации, которые печатались на бумаге, – честное слово, я видела фотографии! Все деньги тоже были бумажными.

На лекциях по истории криптовалют я садилась на задний ряд и, как правило, копалась в Универсуме или спала. Но и сквозь сон у меня сложилась общая картина того, что у предков произошло с этими деньгами.

Количество бумажных банкнот сначала вроде бы ограничивалось золотым запасом государств. Потом банкноты оторвались от золотого стандарта, их количество начали ограничивать чем-то другим, а может, вообще ничем – я уже не помню. Потом с наступлением цифровой эры возникла электронная версия

бумажных денег. Сначала она жестко была привязана к количеству банкнот, как когда-то банкноты были жестко привязаны к количеству золота. Потом властям понадобилось эту связь разорвать.

Правительство уже было Единым координационным, создавалась Система, и людей требовалось перевести на единые электронные деньги. Проблема была в том, что люди, особенно в провинции, от бумажных денег отказываться не хотели.

И если население больших городов, особенно в Европейском секторе, уже давно пользовалось только электронными деньгами, то в сибирских, например, деревнях народ, даже имея техническую возможность, этим, мягко говоря, не злоупотреблял.

Тогда власти сделали хитрую штуку. Был у них там некий экономист Анатоль Рот, его имя часто звучало на лекциях. Он предложил ввести курс обмена электронных денег на бумажные.

Ну вот есть у тебя, скажем, сто рублей. Бумажкой. А поменять на электронные ты их можешь по курсу 1: 1,1. То есть за сто получишь сто десять. Тут-то у них реформа и пошла.

Параллельно развивались криптовалюты. Первые из них носили смешные названия, прямо как из фантастических романов – биткойн, эфириум, риппл, стеллар, кардано, монеро… Сначала они были вне закона – это был просто некий новый, ни к чему не привязанный эквивалент материальных ценностей.

Ну а потом, когда народ практически все бумажные деньги сдал, произошло неизбежное слияние криптовалют с электронной версией бумажных денег.

Вскоре физические деньги были отменены законом. Так появились крипты. Единая цифровая валюта, количество которой было ограничено только электронными мощностями компьютеров планеты.

«Свободное Х-Видение» начисляло мне зарплату в одну тысячу криптов в месяц. Именно столько стоила аренда апартаментов в лучшем сегменте В-зоны,

которые выбрал Тим. (Можно было жить и в свободных домах, как многие, но мы с Тимом называли СД «общежитскими ночлежками» и считали, что нельзя к себе самим настолько плохо относиться.)

Тим получал три тысячи. Четыреста криптов в месяц нам поступало в качестве Свободного пособия за наш совокупный супружеский рейтинг-капитал. Еще по мелочи капало от разных гуманитарных программ, в которых то и дело нужно было участвовать. (Тим, например, недавно читал ученикам Свободной школы лекцию о первых алгоритмах и заработал всего пятьдесят криптов, по поводу чего долго возмущался.)

Жили мы сносно, но скучновато. Нам хватало на хорошую еду, приличную одежду, путешествия, проценты по кредитам и – все. Базовые медицинские услуги в Обществе Абсолютной Свободы, как известно, предоставлялись бесплатно (качество зависело от уровня вашего рейтинга, конечно).

Налог на ребенка на нашем уровне составлял пять тысяч.

Баллы рейтинга можно было обменять на крипты. Тим объяснял мне, как это работает, но я толком не поняла. Вроде как каждый балл тоже обеспечен компьютерной мощностью по тому же принципу, что и крипт, только в разы большей. То есть баллы тоже были валютой, только несоизмеримо более дорогой. Курс зависел от уровня: верхние баллы шли по миллиону криптов за каждый, нижние по десять тысяч. Поскольку баллы тоже являлись валютой, банки начисляли на них процент – из этого процента и формировались индивидуальные Свободные пособия.

Теоретически всегда можно было продать один-два балла. В отчаянных ситуациях люди на это шли, но Система такие сделки не любила. «Продать Доверие», – вот как это называлось.

– Станция «Московия-Сити», – сказал электронный голос.

Мы не привыкли пользоваться общественным транспортом и поэтому почти полчаса проплутали в каменных джунглях Сити, прежде чем нашли стрелку с указателем «К Свободному банку».

В холле была небольшая очередь. На рекламном мониторе то и дело мелькал коренастый улыбающийся человек, которого знал весь мир. Он держал на руках очаровательного малыша – не то мальчика, не то девочку, не то третий пол. Подпись гласила: «Свободный банк при поддержке Благотворительного фонда Тео Буклийе легко и просто поможет получить кредит на ребенка!»

Мы пристроились за почтенным пожилым господином и стали ждать своей очереди, рассматривая то и дело всплывающего на экране Тео.

Известный благотворитель и звезда светской хроники, его имя полностью звучало так: Теодор Буклийе-Руж, – происходил из старинной и очень богатой семьи. Совокупный рейтинг-капитал его семейства составлял один миллиард баллов. Вы только вдумайтесь. Не криптов, а баллов! Сколько их там, членов многочисленной семьи Буклийе, точно известно не было. Аналитики насчитывали от трехсот до четырехсот человек, это что же, в среднем по два с половиной миллиона баллов на каждого? Цифры не укладывались в голове.

Самый популярный из семьи Буклийе, Тео, весил один миллион восемьсот тысяч баллов личного рейтинга. Ему было девяносто семь лет от роду. Выглядел он максимум на пятьдесят.

Тео имел ярко выраженное отрицательное обаяние, был склонен к полноте, и тяжелые черты лица в сочетании с капризной нижней губой его, безусловно, портили, – но это не мешало ему нравиться всем без исключения. Еще бы! Как совершенно справедливо сказал однажды Тим, в глазах окружающих Теодор Буклийе строен как кипарис и лунолик. Так оно и было.

Тео частенько устраивал шумные вечеринки на стратопланах, куда приглашал модных актеров и светских журналистов. Изредка снимался в эпизодических ролях в кино или приходил на прямые эфиры Х-Видения. Был неплохо образован, смешно шутил и сносно пел. Обеспечивал гигантские вложения в науку (ну еще бы, половина биотехнологов земного шара только на его семью и работала). Ну и каждая вторая биобулка и каждый второй ботинок в зонах E и D покупались на благотворительные крипты Теодора Буклийе.

Он был символом возможностей современного мира. Вот сколько баллов может иметь человек в Системе! Богатство, отменное здоровье, уважение, а главное – фактическое бессмертие. К услугам Теодора Буклийе были передовая наука и

передовая медицина планеты. Над столом всех уважающих себя менеджеров в зонах А и В (в том числе Валентина) висели фотографии сияющего улыбкой Тео. Он был идеалом, к которому стремился каждый.

Получил бы Тео Буклийе от Системы столько баллов, если бы родился в обычной семье, а не с готовыми миллионами на личном счете? Наверное, нет. Но наше восхищение от этого не становилось меньше. Факт оставался фактом: Тео мог жить вечно. Мы – нет.

– Прошу вас, – сказал мне клерк.

Мы с Тимом торопливо поднялись.

– Нет-нет, – уточнил банковский служащий, – идет только тот, на чье имя оформлен кредит.

Спорить с банковскими работниками еще хуже, чем с эмиссарами или полицейскими. Мы молча повиновались. Я пошла за служащим, а Тим остался ждать приговора под монитором с Тео Буклийе.

Банку я была должна около двадцати тысяч криптов. Кредит мы оформили на мое имя, чтобы купить небольшой участок земли на окраине зоны А. Строго говоря, нам не полагалось совершать такие покупки, но Тим через своих друзей в зоне А выбил разрешение. Проценты были невысокие, но с условием: кредит мы должны погасить в любом случае – вернуть землю назад было невозможно. Но мы и не собирались этот участок возвращать.

По вечерам мы часто мечтали, как будем сидеть на увитой настоящим плющом веранде собственного маленького домика (Тим имел знакомства на органической ферме, откуда можно было выписать живые растения). В колыбельке будет качаться малыш – наш настоящий ребенок. У него будет самая лучшая и самая дорогая роботизированная няня – взятое в аренду новейшее техническое достижение корпорации «Биоби».

Резкое падение моего рейтинга автоматически переводило нашу мечту в разряд несбыточных.

– Ну, что мы можем вам предложить… – Клерк был спокоен и как-то даже скучен. Видно было, что мой случай у них далеко не первый и не единственный. – Вы взяли двадцать тысяч криптов в кредит полгода назад. Что-то из этого уплатили… Плюс проценты… Думаю, что вы можете погасить кредит баллами.

– Но у меня всего четыре балла сейчас, – сказала я и раскашлялась.

Меня сильно знобило, чувствовала я себя что-то совсем скверно.

– Вам хватит половины, – невозмутимо сказал клерк. Пока меня бил кашель, он времени зря не терял и подсчитал точную сумму моего долга. – Девятнадцать тысяч девятьсот восемьдесят семь криптов. Два балла полностью покроют ваш кредит и пени по нему.

– А как я буду дальше жить?..

– Простите, но вопросы вашей жизни не входят в сферу моей компетенции.

Я молчала. Выхода не было.

– Впрочем, – сказал он, подумав, – у вашего мужа неплохой рейтинг. Он вполне может уплатить два балла за вас. Мы бы одобрили такую транзакцию.

Я начала лихорадочно соображать: у Тима сейчас десять баллов. Если он уплатит два балла, останется восемь – для него это означает переезд в зону C. Плохо, конечно, но хоть не D. И Система, возможно, от меня отвяжется на какое-то время, и рейтинг перестанет падать…

– Итак, ваше решение? – Клерк нажал на какую-то кнопку, электронное табло пиликнуло, давая понять, что очная банковская сессия с посетителем подходит к концу.

– Подождите, – заторопилась я, – муж здесь, я его сейчас позову, и мы все решим!

Банковский служащий отрицательно покачал головой.

– Практика показывает, что такие вопросы не решаются быстро.

– У нас решится! Он заплатит, дайте минуту!

– Совсем не факт, что он заплатит, – сказал клерк невозмутимо. – У нас тут знаете, какие драмы разыгрываются… Обсудите все дома и примите то или иное решение. И не тяните, у вас всего один день остался.

Мне не понравилось, как он это сказал, как будто сомневался в Тиме. Понимаю, что они тут перевидали всякое, но он же не знает моего мужа. Впрочем, спорить с ними было себе дороже.

– А если я просто не отдам вам ничего? – спросила я вдруг от отчаяния дерзко.

– Тогда мы передадим ваше дело в эмиссариат, и они уже будут решать дальше, – равнодушно ответил он. – Скорее всего, в два раза сократят рейтинг и вам, и вашему мужу. Если он, конечно, не успеет расторгнуть родственную связь. Как обычно все делают… Всего хорошего.

Выходя из кабинета, я поймала себя на том, что улыбаюсь. То, о чем говорил клерк, все эти «драмы» и «как обычно», к моему Тиму, к счастью, отношения не имели. Он был не обычным человеком. Я это знала точно.

Муж ждал меня под экраном с изображением светящегося счастьем Тео Буклийе и вид имел крайне встревоженный.

– Тима, я люблю тебя, – сказала я ему, улыбаясь.

– Все хорошо? – В его глазах засветилась надежда. – Что они сказали?

– Они сделали прекрасное предложение. Сейчас мы заново отстоим эту дурацкую очередь, ты погасишь скребаный кредит, и весь этот кошмар закончится. Правда, нам придется переехать куда-то за Урал, но и там люди живут и, говорят, не так уж и плохо… Мы выберемся. Главное, что мы вместе. Правда?

Я потянула Тима за рукав, чтобы встать в конец успевшей образоваться живой очереди, но он не двигался с места.

– Подожди, какой Урал, – сказал он хмуро. – Давай-ка сначала выйдем отсюда и все обсудим…

Я удивленно посмотрела на него, но повиновалась. В конце концов, какая разница, эти два балла можно и из дома отправить. Мы сели в первое попавшееся кафе. То есть это я села, а Тим поправил очки, завел руки за спину и начал расхаживать передо мной взад и вперед.

– Расскажи сначала, – скомандовал он.

Я еще раз изложила Тиму предложение банка. Он молча смотрел себе под ноги.

– Ну, Тима?.. – робко спросила я через паузу. – Надо же решать. Давай, а?

– Что давай?

– Заплати за меня… – эту фразу я сказала почти шепотом.

Кредит-то мы, конечно, брали на общий земельный участок, а не только на мои нужды. Но я почему-то опять чувствовала себя перед ним виноватой. Не оправдала…

– А теперь давай попробуем рассудить логически, – сказал Тим. – У нас есть два варианта: заплатить за кредит твоими баллами и заплатить за кредит моими баллами. Не платить – вариантов нет, тогда они срежут половину рейтинга нам обоим. Итак, вариант, который предлагаешь ты, – заплатить за кредит моими баллами.

Тим сел к столику и посмотрел мне в лицо.

– Это неразумно, – сказал он тихо, но твердо. – Мой рейтинг упадет до зоны С. А твой тренд ведь от этого не улучшится. Этой ночью еще как минимум балл тебе срежут все равно. А может, и два. Лучше отдать эти два балла банку в уплату за кредит. Может, поправится твой тренд.

Я не верила своим ушам.

– Тим, что ты такое говоришь? У меня же тогда будет два балла! Это же ЛВС, зона Е!

– Заяц, сейчас нельзя рассуждать эмоционально, сейчас нужно рассуждать логически. Ты все равно потеряешь эти два балла. Лучше уж потерять их не зря – отдать банку и выполнить свой гражданский долг. Тогда у тебя есть шанс остановить падение рейтинга.

От неожиданности я резко втянула воздух больным своим горлом, и приступ кашля согнул меня пополам. Тим протянул мне носовой платок. Я прижала платок к лицу, почувствовала такой родной и близкий аромат его духов, отчаянно кашляла и все еще не верила, что он мне отказывает. Когда приступ прошел, я отняла платок от лица. На нем была кровь. Тим это увидел, но ничего не сказал. Он сидел и разглядывал меня, молча и внимательно.

– Ты смотришь на меня, как ветеринар на умирающее животное. – Мне было очень страшно. – Ты меня не любишь.

– Не говори ерунды! В конце концов, у нас есть время до завтрашнего полудня. Подумай над тем, что я сказал, и утром примем окончательное решение. И поехали домой, ты себя неважно чувствуешь, а у меня еще есть дела.

– Неважно чувствую?! А у тебя другие дела?! Может, я тебе мешаю? Может, ты и заявление о расторжении родственной связи уже приготовил?

На мою истерику Тим никак не реагировал. Он качал головой и смотрел на меня с сожалением, как на капризную больную старуху. Я разрыдалась, крикнула, что он предатель и что я с ним никуда отсюда не пойду. Тогда он поцеловал меня в

лоб и ушел сам.

Я сидела за столиком кафе и прямо физически чувствовала железную руку, схватившую меня за глотку. В двух смыслах сразу: горло отчаянно болело, в груди жгло. «Пилим! Температура вашего тела 38,1 градусов по Цельсию, ваш диагноз: острая пневмония, срочно обратитесь к врачу».

Никогда, ни одну секунду не сомневалась я в Тиме. За десять лет брака он доказал свою полную и безграничную преданность. Так мне, по крайней мере, всегда казалось. Он ни разу не позволил себе упрека, резкого слова, претензии в мой адрес. Он всегда был корректен и терпелив. Это было его натурой, другим он быть не мог. Происходящее не укладывалось в моей голове. Это был не настоящий Тим. Или это и был настоящий Тим?

Я позвонила маме.

– А я тебе говорила, что мужчина всегда враг и что он тебя предаст! – Мама заплакала в трубку. – А ты со мной спорила! Это проклятие у нас по женской линии…

Вера в проклятия и склонность к мистике были факторами, понижающими тренды, мама это знала, но упорно продолжала портить себе и мне статистику.

– Это Небо меня наказывает через тебя!.. О, кстати!.. А сходи-ка ты к Системнику. Во имя Свободы! Вдруг поможет.

Я с сомнением фыркнула, мама приняла этот звук за кашель и только поэтому не одернула меня. Она относилась с Системникам с глубоким почтением.

– Почему ты молчишь?

– Мама, ты серьезно думаешь, что Абсолюту есть какое-то дело до моих рейтингов, кредитов и ссоры с мужем?

– У тебя есть другие идеи? – спросила она тоном, не предвещающим ничего хорошего.

Других идей у меня не было. Я вышла из кафе, укутавшись в шарф поплотнее, села в монорельс и поехала в Храм.

Свободная вера как религия возникла вместе с Системой. Раньше – как рассказывали энциклопедии – были популярны христианство, ислам и что-то еще со сложным названием. Но старые конфессии рухнули с появлением Церкви Свободной веры, которая триумфально вошла в историю человеческой расы как первая религия, полностью свободная от догматов. От любого, хоть мало-мальского принуждения.

А главное – вечная жизнь теперь была возможна – и это подтверждала наука, а не обещания со страниц древних фолиантов. Врата рая впервые распахнулись широко.

Для того чтобы получить доступ к максимально долгой жизни, нужно было иметь самые высокие баллы рейтинга. А для этого Система диктовала населению необходимость жить исключительно нравственными категориями: быть честными, открытыми, не лгать, не совершать противозаконных и антиобщественных поступков. В принципе это были те же десять заповедей. Нравственные категории Системы требовали неуклонного исполнения – иначе снижались баллы. Система была свята. И ты должен был быть свят. Если хочешь, конечно.

«Вы можете всего этого не делать, мои маленькие друзья, – говорил мой первый Системник на уроках в воскресной школе, когда мы с родителями еще жили в зоне А, – вы же абсолютно свободны. Просто если вы выберете непослушание, вы рискуете выпасть из Системы. А это самое страшное».

Церковь Свободной веры не навязывала своим прихожанам никаких правил и ритуалов. Никаких служб, свечей, молитв и поклонов. На входе в Храм висел текст: «Вы вышли за пределы абсолютной Свободы. Окунитесь в Свободу абсолюта!» В Храме можно было делать все: ходить, говорить, лежать, болтать, есть, слушать музыку. Заниматься сексом.

Была еще суперопция, которой я планировала воспользоваться сейчас. Режим беседы с Системником под названием «тайна исповеди». На пятнадцать минут включался режим «вне рейтинга», и ты мог задать Системнику совершенно любые вопросы без угрозы понижения баллов. По закону этим режимом можно было воспользоваться один раз в жизни. Кто-то мне, правда, рассказывал, что этой опцией реально почти никто не пользуется, потому что в Свободных храмах этого не любят. И ввели-то эту норму исключительно для строгого соответствия Конституции.

В юности эта опция казалась мне странной, глупой и опасной. («Зачем отключаться от Системы даже и на короткое время?») Теперь я хорошо понимала, зачем.

Старый монорельс, дернувшись, остановился (Небо, какая все-таки разница с беспилотником категории В!), и я оказалась у ступенек Храма. Огромный, весь вознесенный вверх, сияющий; почему, интересно, они строят Храмы в угоду древней традиции? Он мог бы быть крошечным и уютным, к чему этот пафос…

Народу в Храме было мало. У памятника Искусственному Интеллекту целовались трое парней. Под триптихом «Система. Рейтинг. Алгоритм» восседала школьная экскурсия: молоденькая учительница бойко что-то рассказывала, дети вертели головами. На подушках, разбросанных вокруг Статуи Свободы, полулежал Системник – черная одежда, значок радуги на груди. Я подошла.

Разговаривать с Системниками всегда очень интересно: это глубоко, энциклопедически образованные люди, их готовят в Системных университетах. Берут туда, между прочим, только тех, кто сдал ЕРЭ (Единый рейтинг-экзамен) не ниже 11,5. Мне вот, например, это в принципе не светило. Возможно, именно Системники, а не программисты на самом деле могли претендовать на статус умнейших людей современного мира.

Прежде чем выпустить в люди, их дополнительно прогоняли еще через какой-то экзамен-фильтр и оставшихся строго готовили по специальной программе: углубленное изучение истории Системообразования и Системословия. Ну и психологии, конечно. Видимо, именно поэтому отличительной чертой любого Системника была невероятная харизматичность. Рядом с таким человеком

хотелось находиться как можно дольше. Держать за руку. Слушать. Верить. Выйти замуж за служителя Системы было вообще гранд-шиком, но это мало кому удавалось.

– Да, Свободное дитя, – обратился ко мне Системник, глядя на меня поверх очков. Я даже сквозь жар почувствовала, как по коже привычно забегали мурашки. – Посидим здесь или уединимся?

Меня качало, очень болела голова, но я собрала все свои силы и широко улыбнулась Системнику:

– Не знаю, странче. Я хочу посоветоваться.

Термин «странче» – официальное обращение к Системнику – возник из двух древних слов: «странник» и «отче». Что-то из монашеских традиций древнего христианства. Отец рассказывал, что алгоритмы, создававшие лексикон Свободной веры, нарочно подбирали архетипические, зашитые в менталитете народа выражения. Сколько-то там процентов таких слов требовалось для так называемой сакрализации. Иначе людям будет в Вере некомфортно, они не смогут раскрыться. Да, алгоритмы учитывали наше подсознание и нашу психологию, спасибо им за это.

– Что случилось?

Системник взял меня за руку и усадил на подушку рядом с собой. Работал очень профессионально – я видела этого человека первый раз в жизни, но уже готова была выложить ему всю подноготную.

– Моя жизнь идет под откос.

– Так бывает, дитя. Не волнуйся и расскажи.

Вокруг гургурили немногочисленные посетители Храма, бормотала и чем-то чавкала школьная экскурсия, было очень уютно, появилась надежда, что все мои

проблемы сейчас разрешатся по мановению красивого черного обшлага. Я открыла уже рот, чтобы вывалить свои переживания, как вдруг неожиданно сама для себя выпалила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shamal-_yuliya/sistema

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити